

Синдром бесконечной радости

Автор:

[Марина Крамер](#)

Синдром бесконечной радости

Марина Крамер

Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер

В далекой сибирской тайге в небольшом поселке Листвяково появился настоящий Город Радости. Там царит вселенское счастье и благодать, а примкнувшие к чудо-гуру Прозревшей готовы отдать все свои деньги, недвижимость, украшения, лишь бы их приняли в Город Радости. В эту секту попала и младшая сестра владелицы золотодобывающего комбината Анны Мецлер Дарина. Девушку похитили вместе с дочкой мэра и теперь вымогают деньги, а у Анны требуют продать комбинат...

Марина Крамер

Синдром бесконечной радости

– Чем дольше ты носишь в себе какую-то боль, тем сильнее подвержена чужому влиянию. Тебе нужен кто-то, кто сможет прекратить страдания – и тебе не важно уже, каким способом.

Женщина лет сорока в длинной темной юбке и белой накрахмаленной рубашке с закатанными по локоть рукавами поправила тяжелый узел волос на затылке и повернулась к собеседнице, одарив ее теплой улыбкой.

Собеседница, девушка лет двадцати пяти, сидела в большом кресле с высокой спинкой и цеплялась пальцами за подлокотники с такой силой, что побелели

суставы. В глазах ее плескался ужас, и даже мягкий голос женщины, ее плавные манеры и теплая улыбка не уменьшали страха в душе девушки.

– Тебе ведь было плохо там, правда? Вечное затворничество, одиночество... некому открыть душу, не с кем разделить мысли. Но теперь ты среди своих, дорогая. Ничего не бойся, – голос женщины обволакивал, как паутина, – это ощущение вязких нитей на лице она помнила с детства, когда ходила за грибами с бабушкой и попадала в кустарник или заросли густой травы. – Тебя здесь никто не обидит, тебя поддержат и поймут. Ты будешь одной из нас. И твоя боль постепенно уйдет, ее место займет радость. Посмотри на меня, – велела женщина, и девушка повиновалась, подняв голову и глядя в глаза говорившей.

Под пронизывающим насквозь взглядом светло-серых глаз стало сперва очень страшно, но потом вдруг пришел покой – накатывал, как морская волна, обнимал, увлекал за собой, заставляя повиноваться его воле, впадать в блаженство, не испытывать ничего, кроме вот этого – полного покоя и чувства защищенности.

Она – среди своих. Нет одиночества, нет страха, нет ничего. Нет боли. И все остальное уже совершенно не важно.

Город Уйгууна, где-то на Севере

– Ну, как ты тут? – Она привычным жестом поправила одеяло, коснулась безжизненной руки, лежавшей поверх него. – Выглядишь неплохо, только бледный очень. Ну, ничего, через недельку можно будет тебя на веранду вывозить, подышишь, на солнышке погреешься.

Девушка в розовом хлопковом костюме, сидевшая у небольшого столика и делавшая какие-то записи в компьютере, только головой покачала.

Эти монологи она слышала каждый день, и от них порой становилось жутковато, но вера ее работодательницы в то, что муж рано или поздно выйдет из комы, вызывала даже уважение.

Шансов на это не было никаких, и доктора, приезжавшие в этот дом каждую неделю, всякий раз аккуратно говорили хозяйке об этом, но она словно не слышала, не хотела слышать, отгоняла от себя негативную информацию. Не поверила она даже специально привезенному из Москвы профессору-неврологу.

Тот, натолкнувшись на холодный, наполненный решимостью взгляд довольно еще молодой женщины, слегка смешался и пробормотал что-то вроде «если чудеса происходят, то все может быть» и отбыл благополучно в свою столицу, увозя банковскую карту с внушительной суммой денег на ней.

– Анна Андреевна, я там список препаратов составила, которые заканчиваются, – осторожно произнесла девушка, закрывая файл.

– Хорошо, Света, отдайте его Оксане Михайловне, она все привезет. Кто вас сменит сегодня?

– Юля.

– Хорошо.

Женщина погладила лежавшего на кровати мужчину по щеке, ласково улыбнулась, словно он мог это увидеть, и пошла к двери.

Светлана уловила аромат ее духов – терпкий, горьковатый, больше похожий на мужской. Она работала в этом доме уже три года, и за все это время хозяйка ни разу не сменила духи, удивляя девушку таким постоянством.

Подойдя к большому окну, Светлана чуть отодвинула молочного цвета органзу и увидела, как хозяйка идет по выложенной брусчаткой дорожке к воротам, которые уже открыты, а за ними на улице виднеется крыло серебристого джипа.

Через пару минут ворота поползли в сторону, отрезая улицу от двора, значит, Анна села в машину и уехала на комбинат, теперь ее не будет до вечера.

Дверь распахнулась, и в комнату вошла чуть полноватая женщина лет пятидесяти в свободном сером свитере и черных брюках. В руке она держала блокнот.

– Света, список давай, – произнесла она низким голосом, – я в город поехала. Что-то нужно еще?

– Нет, только препараты. – Светлана взяла с принтера распечатанный список и протянула женщине. – Вечером Юлька застывает.

Женщина чуть поморщилась:

– Когда уже Анна ее рассчитает, а?

– Оксана Михайловна, вы к Юльке, по-моему, просто придираетесь, – улыбнулась Света, наблюдая, как управляющая прячет ее список в обложку блокнота.

– Вот родишь сына, вырастишь, воспитаешь, а потом чтобы к нему такая вот Юлька приклеилась – тогда и поговорим, – сухо отозвалась Оксана Михайловна.

– Ну а чем Юлька плоха? Образование есть, профессия отличная, всегда востребованная. С собой хороша, готовит, как в ресторане, чистюля, – продолжала улыбаться Светлана, которой нравилось вот так поддразнивать управляющую. – Вам, похоже, любая невестка будет не ко двору, и Юлька тут ни при чем.

Оксана Михайловна только рукой махнула и вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Дорога в город пролежала между снежных завалов, таких высоких, что образовывался тоннель без крыши. Каждый год эту дорогу приходилось вырубать заново, едва начинались снегопады. Сейчас, в середине весны, снег уже выглядел не белоснежным, а грязно-ноздреватым, и стенки тоннеля напоминали губку.

Анна могла бы жить в городе, где имелась большая, хорошо обставленная квартира в охраняемом доме, но продолжала каждый день ездить пятнадцать километров туда и обратно в поселок, именуемый среди местных «северной Рублевкой».

В разгар зимы это казалось особенно неоправданным, морозы порой достигали минус пятидесяти и больше, но Анна все равно продолжала эти поездки, отмахиваясь от уговоров своего заместителя Валерия Зотова, настаивавшего на том, чтобы она хотя бы зиму пережидала в условиях города и не рисковала остаться среди заснеженной трассы в мороз во внезапно остановившемся автомобиле, например.

– Я не езжу одна, – отмахивалась Анна, – у меня отличный водитель-профессионал, он за машиной следит, как за ребенком. И потом, в поселке Владлен...

– Аня, Владлену, уж извини за прямоту, совершенно все равно – приедешь ты домой или нет.

– А тебе, значит, не все равно? – щурила она карие глаза, умело подведенные тонкими «стрелками».

– Не понимаю тебя, – Валерий злился, чувствуя, что в очередной раз проиграл схватку, – ну чем не жизнь в городе, а?

– Нет! – неизменно обрубала Анна, и заместитель унимался на какое-то время, чтобы потом снова вернуться к этому разговору.

Ровно год понадобился Анне, чтобы хоть как-то принять то, что муж, Владлен Витольдович Мецлер, теперь намертво прикован к кровати и аппарату искусственного дыхания после аварии на возглавляемом им комбинате.

Во время выездного совещания в одном из цехов вдруг сорвалась с рельсов вагонетка и придавила стоявшего как раз на ее пути Мецлера. До больницы его успели довести, но в себя владелец комбината так больше и не пришел. Анна оказалась владелицей контрольного пакета акций и председателем совета директоров, к чему была не очень готова, хоть и имела неплохое экономическое образование. Но опыта управления золотодобывающим комбинатом у нее не было совершенно. К счастью, был еще Зотов, заместитель Владлена Витольдовича и близкий друг, который помог Анне довольно быстро во всем разобраться.

Члены совета директоров не особенно обрадовались появлению Анны в кресле председателя, но смолчали – контрольный пакет делал ее неуязвимой, а ссориться с Зотовым никто не хотел.

Анна, будучи женщиной неглупой, тоже постаралась сгладить все острые углы, и комбинат удержался на плаву даже без Владлена, но в последнее время ее не покидало ощущение, что вокруг комбината происходит что-то непонятное. А потом ей поступило предложение о слиянии от крупного золотодобывающего холдинга.

Рассмотрев все предложенные условия и посоветовавшись с членами совета директоров, Анна отказалась от сделки, и Зотов ее поддержал, мотивируя это тем, что чужаки начнут заправлять здесь иначе, чем принято за долгие годы.

Градообразующий комбинат сделал жизнь в небольшом северном городе настолько комфортной, что уже давно местная молодежь не уезжала отсюда, без проблем находя и учебные заведения, и рабочие места. Комбинат оказывал поддержку тем, кто хотел учиться в столичных вузах, но с условием обязательной отработки в родном городе не менее пяти лет по выбранной специальности, предоставлял жилье и подъемные. Мало кто покидал город по истечении срока контракта.

«Маленький северный рай». Никак иначе Уйгууну и не называли, даже жители, рассказывая кому-то о месте своего проживания, употребляли это выражение, ставшее здесь чем-то вроде слогана.

Комбинат вкладывал деньги во все сферы – в здравоохранение, в культуру, в образование, а уж к благоустройству руководство относилось как к ремонту в собственных домах.

Короткое северное лето не особенно баловало горожан обилием зелени или цветов, но даже за этот небольшой промежуток времени в городе буйствовали краски, благоухали клумбы и кое-где даже имелись тенистые аллеи из деревьев, кроны которых были особым образом наклонены друг к другу наподобие арок. За чистотой следили так, словно это были не улицы, а операционная, по вечерам город ярко освещался множеством фонарей и разноцветной подсветкой витрин.

Сейчас, утром, город тоже выглядел отлично – снег уже начал таять, но еще лежал белыми шапками на крышах и ветвях деревьев, дворники расчищали тротуары там, где не успели, дороги в идеальном состоянии – снегоуборочные машины работали по ночам, готовя проезжую часть к утреннему потоку машин.

Мэр города, энергичная женщина средних лет, каждый день лично выезжала то на одну, то на другую улицу, чтобы убедиться, что работы везде ведутся одинаково тщательно – и в центре, и на окраинах.

Анна, рассеянно глядя в окно машины, подумала, что скоро день города, праздник, который здесь принято отмечать с размахом, и комбинат обязательно приглашал кого-то из столичных «звезд», оплачивал салют и мероприятия, проводимые мэрией для горожан.

«Надо смету запросить, – подумала она, доставая из сумки ежедневник и ручку. – Посмотрим, сколько Саяна в этом году запросит».

Саяна Угубешева, мэр, обычно смету слишком уж не завышала, но небольшую сумму сверх необходимой всегда закладывала. Анна закрывала на это глаза, зная, что деньги эти мэша не складывает в собственный карман, а отдает в фонд поддержки малых народностей, который возглавляет ее дочь.

Сылдыз Угубешева была близкой подругой родной сестры Анны, они проводили много времени вместе, и Анна всегда надеялась, что серьезная Сылдыз повлияет на Дарину, легкомысленную и совершенно не желающую думать о завтрашнем дне.

Мысли о сестре заставили взяться за телефон – утром Анна не увидела Дарину за завтраком, а вчера та слишком поздно вернулась домой, в который раз проигнорировав просьбу Анны не мотаться на машине ночью по зимней дороге.

– Анька, ну что ты за человек... – после восьмого гудка заняла в трубку Дарина. – Еще даже девяти нет! Я легла почти в четыре...

– Вот я как раз об этом и хочу поговорить. Мне отобрать ключи от машины?

– Ой, да отбери! – мгновенно проснулась сестра и кинулась в атаку. – Отбери! Лучше на такси ездить, чем каждый раз выслушивать твой нудеж по поводу машины! Надоела ты со своими нотациями! Я взрослый человек, что – не могу в клубе в свое удовольствие потусоваться?!

– Так, может, для разнообразия ты на работу устроишься, раз уж совсем взрослая?

– Куда?! Куда я в этой чертовой дыре устроюсь на работу, а?!

– А зачем ты институт бросила? Получила бы диплом и без проблем пошла бы...

– Ага – английский местным детишечкам преподавать! – перебила Дарина. – Тоже мне – перспектива! Ты меня еще сошли куда-нибудь в стойбище!

– Я бы и рада, да кто ж тебя примет... Дарина, я серьезно – прекрати эти загулы, добром не кончится.

– А, ну да, у нас же наследственность! – фыркнула сестра. – То-то ты спиртного в доме не держишь. Боишься?

– За тебя – очень, – подтвердила Анна, чувствуя, как начинает болеть голова. – Хоть бы на Сылдыз посмотрела. Вроде ровесницы, а ощущение, что ты моложе лет на десять, как подросток себя ведешь, к тому же – проблемный.

– Сылдыз! А что – Сылдыз? Нашла пример! Да если хочешь знать, не живи я в этой заднице мира по твоей милости, так такую Сылдыз точно за километр бы обходила! Лицемерка!

– Погоди-ка... – Анна почувствовала, как сердце стало биться чаще. – Ты что – пьяна? Сколько же ты выпила?

– Меньше, чем хотела! Ты же и об этом позаботилась, сестричка, – чтобы в каждом баре этой дыры меня знали в лицо и больше трех стопок не наливали! – рявкнула Дарина.

– От трех стопок ты уже должна бы проспаться. Так сколько?

- Отвали! Просто - отвали! - заорала сестра и бросила трубку.

Анна уронила телефон на колени и закрыла лицо руками.

С каждым днем Дарина планомерно превращалась в огромную проблему, и теперь Анне уже не казалась такой уж удачной мысль привезти сестру сюда.

«Может, мне не стоило вмешиваться? Может, нужно было отпустить ее в тот момент, когда она заговорила об этом? - думала она, раскачиваясь вперед-назад. - Зачем я заставила ее вернуться, когда она институт бросила? Побоялась, что дров наломает? Так она и тут справляется - дай боже... Но здесь я хотя бы могу держать это все под контролем, а там... Конечно, она бунтует и сопротивляется, но другого выхода нет. Жить она будет здесь и по моим правилам, чтобы не оказаться в яме, как наша мать».

- Анна Андреевна, приехали, - осторожно сказал водитель, и Анна, очнувшись, посмотрела в окно - машина стояла на своем обычном месте большой парковки перед административным корпусом комбината.

- Да, сейчас... я сейчас... - пробормотала она, пытаясь нащупать ручку, но никак не могла ухватиться за нее и открыть дверцу, и водитель вышел из машины, обошел и открыл сам. - Спасибо... - невнятно произнесла Анна и вышла, остановилась на минуту, вбирая в легкие еще довольно холодный утренний воздух.

Стало немного легче, она поправила волосы, выпрямилась и зашагала к зданию походкой человека, привыкшего держать все под контролем. Никто не должен знать, что на самом деле творится у нее в душе, она не имеет права быть слабой или дать другим почувствовать, что у нее есть уязвимые места. В ее бизнесе такого не прощают, бьют прицельно, растаптывают. Золото - металл мягкий, конечно, но все, что вокруг него, увы, намного жестче, это Анна уяснила давно.

- Анна Андреевна, совет директоров собрался, вас ждут. - На пороге кабинета ее встретила секретарша Надя. В одной руке она держала папку с документами, а другой перехватила сброшенную начальницей шубу. - Вот, возьмите. - Папка перекочевала к Анне. - Кофе когда подавать?

– Минут через тридцать, – бросив взгляд на часы в простенке между панорамных окон, сказала Анна. – Зотов там?

– Да. Заходил минут двадцать назад, удивлялся, что вас до сих пор нет.

– Контролер нашелся, – пробормотала Анна недовольно. – И почему, интересно, заседание без моего ведома перенесли на полчаса раньше?

– Представитель из Москвы хочет успеть на дневной рейс, чтобы не опоздать на стыковочный в столицу.

– И так бы не опоздал, погода хорошая. Все, я пошла. Кофе через полчаса.

– Конечно, Анна Андреевна, все сделаю. – Надя смахнула с плеча начальницы какую-то нитку и открыла дверь кабинета: – Удачи.

– Спасибо.

Зал заседаний располагался на девятом этаже под стеклянной крышей, таково было пожелание Владлена, он любил, когда в помещении много света и стекла. Анна же в этом аквариуме чувствовала себя крайне неудобно – боялась высоты, а панорамные окна от пола до потолка и стеклянная крыша только усиливали этот страх. Но она прекрасно понимала, что не только на нее зал заседаний производит такое впечатление, но и на многих попадающих туда. Сама она уже научилась бороться с охватывавшим ее всякий раз ужасом, но люди, вошедшие в зал впервые, никак не могли совладать с эмоциями, и это часто помогало в решении некоторых вопросов – несговорчивые становились куда более лояльными.

Перед дверью Анна чуть замешкалась, взялась за кованую ручку, закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов и выдохов – такая нехитрая процедура помогала ей взять себя в руки и спокойно войти в прозрачный, всегда залитый светом зал.

Отгнав таким образом подступившие тошноту и головокружение, она толкнула дверь и вошла.

За длинным столом сидели четверо – трое мужчин и женщина. Кресло Анны во главе стола пустовало.

– Доброе утро, – проговорила она, направляясь к своему месту.

– Опаздываете, Анна Андреевна, – заметил сидевший справа от нее широкоплечий мужчина с заметной сединой в черных, слегка вьющихся волосах.

– У вас часы спешат, Валерий Алексеевич, – ровным тоном ответила Анна, открывая папку. – Итак, господа, с чего начнем?

– Я предлагаю обсудить поступившее предложение от «АлмазЗолотоИнк», – тут же оживился пухлый, довольно еще молодой мужчина в синем костюме, пуговицы которого грозили каждую секунду оторваться и травмировать сидевшую напротив него женщину.

– Не вижу смысла это обсуждать, – сказала Анна, положив ладони на документы. – Это предложение загоняет нас в угол, неужели вы этого не понимаете? «АлмазЗолотоИнку» нужен комбинат – а мы на комбинате не нужны, и социалка наша не нужна. Как только мы подпишем договор о слиянии, можете бронировать билеты и улетать отсюда. Всех выкинут, все проекты закроют, деньги потекут из города в столицу.

– Вы сгущаете краски, – настаивал мужчина, вытирая платком вспотевший лоб, хотя температура в помещении была комфортная и скорее прохладная. – Конечно, не обойдется без реорганизации, небольшие изменения неизбежны, и это, наверное, правильно и к лучшему. Но холдинг вряд ли будет менять руководство.

– Слушайте, Артем Васильевич, – вмешалась женщина, кудрявая блондинка средних лет, – вы как маленький, ей-богу. Разумеется, дело даже не в том, что нас отсюда в момент выметут, дело в том, что никаких наших проектов холдинг поддерживать не станет. Их представитель ясно дал понять, что слишком много денег комбинат тратит на ерунду вроде скверов. И вы до сих пор думаете, что ничего не произойдет? Столько лет комбинат развивал город, делал его пригодным для жизни – просто вспомните, что здесь было раньше, в нашем с вами детстве? Обычный поселок с запойными работягами! Даже клуба приличного не было! Но пришел Мецлер – и все изменилось, и люди отсюда не

бегут, как раньше, и вместо поселка – город, куда даже иностранцы приезжают и ахают! А вы предлагаете позволить «АлмазЗолотоИнку» все это, извините, к чертовой матери спустить?

– Анжела Аркадьевна, вы-то что так вскипели? – иронично улыбнулся молчавший до сих пор пятый участник заседания – похожий на борца лысоватый брюнет со скошенным набок носом и длинным шрамом через правую бровь. – Можно подумать, что у вас личный интерес...

– Как начальнику службы безопасности, глупо задавать такие вопросы, Тимур Садуллаевич, – отрезала блондинка. – Да, у меня есть интерес – я хочу, чтобы в моем городе можно было жить, а не нужно было выживать. Кстати, в этой папочке у вас отчет, ведь так? Вы ведь навели справки о деятельности «АлмазЗолотоИнка» на других предприятиях после слияния с холдингом? Ведь именно об этом вас Анна Андреевна попросила, не так ли?

Анна неодобрительно покачала головой.

Анжела Липская вошла в совет директоров после гибели мужа, занималась как раз социальными проектами, была женщиной решительной и всегда прямо говорила в лицо то, о чем думала. Но иной раз эта прямота бывала чрезмерной.

Конечно, Анна не делала большого секрета из того, что попросила начальника службы безопасности Тимура Сагитова узнать все, что происходило на поглощенных холдингом комбинатах, но Анжеле об этом точно не должно быть известно.

«Надежда слила, не иначе, – меланхолично отметила про себя Анна. – Старается... невестка все-таки, не смогла удержаться, доложила свекрови. Говорил мне Владлен – не разводи семейственность».

Сагитов вопросительно смотрел на Анну и ждал распоряжений.

– Ну, раз уж речь зашла... говорите, Тимур Садуллаевич, – махнула рукой Анна и вдруг отметила, как скривилось лицо финансового директора Артема Строкина.

Всего на секунду, почти незаметно – но Анна успела это увидеть.

«Неужели Тёма в доле? Не может быть... его Владлен на комбинат взял, человек за пять лет такую карьеру сделал – нигде больше не смог бы, даже акционером стал. Нет, мне показалось».

– В общем, ситуация такая, – откашлявшись, начал Тимур. – На трех из пяти комбинатов, прошедших процедуру слияния с холдингом, полностью сменился совет директоров. На двух оставшихся этот процесс начат. Как и говорила Анжела Аркадьевна, с социальными проектами там покончено, прекращено финансирование проектов мэрий и вообще какая-либо социальная активность. Ну и самое неприятное. Бесследно исчез бывший владелец Заруйского комбината Арестов. А именно Заруйский комбинат позже всех объявил о слиянии.

– Ты хочешь сказать... – чуть приподнялся в кресле Зотов.

– Пока не хочу, но думаю, что вы и сами все понимаете. Руководство комбината в Заруйске сопротивлялось слиянию, и вдруг – раз-два, комбинат входит в состав холдинга. А владелец исчезает. Раньше это называлось рейдерским захватом, – усмехнулся Сагитов.

– Это и теперь так называется, – перебил Зотов и повернулся к Анне. – На всякий случай я бы приставил охрану.

– Ко мне? Что за глупости!

– Тогда прекратите ездить в поселок! Не понимаю, зачем вы упираетесь и подвергаете себя риску? Есть прекрасная квартира в городе, нет необходимости в этих поездках! – Зотов в ярости ударил кулаком по столешнице, все вздрогнули, а Анна, бросив на заместителя недовольный взгляд, сказала негромко:

– Валерий Алексеевич, не забываетесь.

– Да... извините, Анна Андреевна... – чуть остыл Зотов. – Но подумайте о моих словах. И с Тимуром Садуллаевичем вон посоветуйтесь, в конце концов, он у нас отвечает за безопасность комбината и вашу в том числе.

Тимур наклонил голову, на бычьей шее вздулись вены – он знал, что обсуждать с Анной этот вопрос бесполезно, он, как и Зотов, считал, что она напрасно совершает эти ежедневные вояжи по пустынной дороге. Но всякий раз, предлагая хотя бы брать с собой охранника, натыкался на категоричный отказ.

– Владлен никогда не позволял себе этого барства, – отрезала Анна, и у Тимура не хватало духа напомнить ей, чем закончились игры ее мужа в демократию.

Сагитов был совершенно уверен, что вагонетка не просто так сорвалась с рельсов, и с данными проведенного расследования он согласен не был, но к его мнению никто не прислушался.

– Значит, вы собираетесь ответить отказом на предложение «АлмазЗолотоИнк», я все верно понял? – подал голос Строкин, и Анна, повернувшись в его сторону, подтвердила:

– Вы все правильно поняли. Никаких переговоров не будет.

Строкин только головой покачал.

Сагитов, внимательно наблюдавший за всеми, быстро черкнул что-то в потрепанной записной книжке, лежавшей перед ним.

– Но нам ясно дали понять, что в сложившейся ситуации... – продолжил Строков, вытирая лоб платком, – в сложившейся ситуации лучше рассмотреть предложение, поступившее нам, – согласитесь, оно весьма щедрое. И речь идет не о продаже комбината, а только о слиянии! А мы все можем неплохо заработать. Посудите здраво – выработки сокращаются, прииск – не бездонная бочка, рано или поздно пласт иссякнет...

– Разработки ведутся, – оборвал Зотов, – изыскания показали, что рядом залегает еще пласт, в скором времени начнем разрабатывать и его. К чему паника, я не понимаю? Тебе денег мало, что ли?

– Денег никогда не бывает много, если ты об этом! – огрызнулся Строкин.

– А, то есть особняка в Испании, виллы на Сицилии и дома в Греции тебе уже не хватает? – негромко произнес Сагитов. – А усидишь – одной-то задницей, даже такой, как твоя?

– Что?! – поперхнулся от негодования Строкин и вскочил. – Вы... что себе позволяете?!

– А что такого я позволил? Как начальник службы безопасности, я отслеживаю все денежные потоки членов совета директоров, ты не знал? Эти полномочия мне еще Владлен Витольдович дал, ничего не изменилось. Если Анжеле скрывать нечего, так она и не дергается. А ты, видно, хочешь еще и у «АлмазЗолотоИнк» откусить чуток? Так предупреждаю просто по-дружески – не пытайся, подавишься. Там тебе не здесь, как говорится.

– Что за чушь?! – уже немного успокоившись, сказал Строкин, возвращаясь в кресло.

– Ну, если чушь, то я извинюсь, мне несложно. А если нет – ты что делать будешь?

– Так, все, прекратите, – хлопнул ладонью по столу Зотов. – Устроили тут... Голосовать-то есть смысл или решение единогласное будет?

– Я подчинюсь большинству, – зло бросил Строкин, – но имейте в виду – вы совершаете огромную ошибку, отказываясь от предложения. Третьего раза не будет, скорее всего.

– Мы это переживем, – сказала Анна, вставая из-за стола. – Если ни у кого больше нет возражений, предлагаю расходиться.

Первой встала Липская, взяла портфель и, помахав Анне рукой, направилась к выходу:

– Мне еще собраться надо, в Москву лечу утренним рейсом с материка. Всем счастливо оставаться.

Сагитов проводил ее взглядом и покачал головой, но это заметила только Анна.

Строкин ушел, даже не попрощавшись, за ним откланялся и Зотов, и Анна, заперев кабинет, прислонилась к двери спиной и спросила, глядя на начальника службы безопасности:

- Ты думаешь, это Строкин, да?

- Ты удивишься, но - нет, не думаю. Он мог, конечно, пообещать свой голос кому-то из холдинга, но не он инициатор. И точно не он сливает информацию о состоянии дел на комбинате. У него просто нет доступа к ней.

- Тогда - кто?

- Не знаю пока, Аня. Не знаю. Я один, мне не разорваться. Никому верить нельзя, никому. Зачем Анжелка в столицу рванула, ты не в курсе?

- Дочь проведать, она еще месяц назад об этом говорила. У девочки день рождения, двадцать лет - естественно, мать хочет быть рядом в этот день. И потом, Тимур... ну согласишься, у Липской просто мозгов не хватило бы.

- Про тебя тоже так говорили, когда к тебе комбинат перешел. Но ты ведь усидела, и дела идут не хуже, чем при Владлене. Так что я бы Анжелку со счетов не скидывал, - вздохнул Сагитов, глядя в стоявшую перед ним чашку с остывшим кофе. - А ты бы домой ехала, Аня. Вид у тебя какой-то... не спишь опять?

- Какой сон тут... - Анна подошла к огромному окну, в очередной раз перебарывая в себе страх высоты. - И Дарина опять...

- Чудит?

- Не то слово. Не знаю, Тимур... может, я напрасно ее выдернула сюда, а? Пусть бы жила как хочет...

- Это Владлен так решил, если помнишь. И я его поддержал - совсем бы девка свихнулась, учиться все равно не стала же. Так здесь хоть на глазах, а там? У тебя минуты спокойной бы не было.

- Можно подумать, теперь есть...

- Теперь мы хотя бы можем это контролировать.

- Не очень-то у меня это получается, Тимур. Ненавижу, когда оказываюсь беспомощной! Но не признаваться же в том, что не могу контролировать собственную младшую сестру! Комбинат вот могу, а Дарину - нет...

Тимур поднялся, подошел к Анне и приобнял ее за плечи:

- Не говори глупостей. А Дарина перебесится. У нее просто какой-то затянувшийся подростковый период - бунтует, как ребенок. Все утрясется. А ты все-таки подумай о том, что неплохо бы в городе пожить хотя бы пока.

- Пока? Что это значит? - Анна освободилась от его руки и отошла от окна, потому что начала ощущать тошноту и головокружение, как, впрочем, и всегда в этом зале заседаний.

- Аня, это ничего пока не значит. Но мало ли... если люди из холдинга всерьез нацелились на нас, то кто знает, что может произойти. И мне легче будет обеспечить тебе безопасность, если ты сама не станешь делать необдуманных поступков и прекратишь кататься по дороге, где на много километров редко встретишь еще кого-то.

- Ты ведь знаешь, что это невозможно. У меня там Владлен, там все приспособлено для ухода за ним, да и Дарине сложнее улизнуть из поселка, а в городе она будет делать это постоянно. Нет, Тимур...

- Аня, ты меня извини, конечно, но Владлену уже ничего не угрожает. Три года его почти нет, посмотри правде в глаза. Есть оболочка, тело, в котором жизнь поддерживается при помощи аппаратов, а самого Владлена Мецлера - нет.

Анна закрыла лицо руками и заплакала:

- Ты жестокий... думаешь, я не понимаю этого? Просто представь, каково мне каждый день видеть его таким? Три года!

– Аня... может, настало время его... отпустить? – тихо произнес Сагитов, и Анна вмиг перестала плакать:

– Что?! Не смей, слышишь?! Не смей никогда предлагать мне такое!

– Не кричи! Просто подумай хоть раз о том, чего бы хотел сам Владлен! – оборвал Сагитов. – Как думаешь – он согласился бы, будь у него выбор, провести вот в таком состоянии годы, а? Человек, живший активной жизнью, любивший лыжи, спорт и все, что с этим связано, оказывается прикованным к аппаратам, потому что даже дышать самостоятельно не может! Ты уверена, что ему бы это понравилось, если бы он мог сам решить?

– Но он не может! А я могу! А вот расстаться с ним – нет, не могу! Мне спокойнее, когда я знаю, что он все еще жив!

– Что ты называешь жизнью?

– Прекрати! – взвизгнула она и бросилась к двери, трясущимися руками принялась отпирать замок, но он не поддавался.

– В другую сторону ключ поверни. – Сагитов подошел к ней, осторожно отстранил от двери и сам повернул ключ в замке. – Поезжай домой, Аня. От тебя сегодня все равно мало толку.

Поселок Листвяково, сибирская тайга

К воротам большого кирпичного дома подъехал внедорожник с заляпанными грязью номерами и просигналил, одновременно моргая фарами. Ворота поехали в сторону, машина припарковалась во дворе, и из нее вышел довольно молодой мужчина в камуфляжном костюме и высоких резиновых сапогах.

Навстречу ему спешил, прихрамывая, пожилой мужичок в странном одеянии, состоявшем из заправленных в сапоги шаровар и свободной рубахи, поверх которой была накинута жилетка, отороченная по подолу и полам мехом.

– Здорово, Игнатич, – поприветствовал его молодой, но руки не протянул. – Хозяйка у себя?

– У себя, у себя, – мелко закивал тот, – вас ждет. Проходите.

Семена от гостя на небольшом расстоянии, Игнатъич повел его к крыльцу, в прихожей обогнал, пока гость замешкался, снимая куртку:

– Прозревшая ждет вас... проходите в кабинет.

– Не надо в кабинет, – раздался откуда-то из глубины дома женский голос. – В гостиную проходите. Игнатъич, распорядись кофе подать, а сам вон иди, натоптал мне тут сапожищами.

– Ухожу, Клавдия Васильевна, ухожу. – Игнатъич хоть и прихрамывая, но все-таки очень быстро исчез, а навстречу гостю вышла женщина лет шестидесяти:

– Доброго вам дня. Проходите, Прозревшая ждет.

Он прошел по длинному коридору в гостиную, где его буквально ослепило от сверкавшей под потолком хрустальной люстры, пришлось даже прикрыть на секунду глаза ладонью.

В ответ на это раздался мелодичный женский смех:

– Что, Игорек, отвык? У вас таких уже не вешают? А я вот люблю...

– А яркость у нее не регулируется? – убирая руку, спросил гость. – Так и без глаз недолго остаться.

– Ты даже не здороваешься? – с улыбкой спросила женщина, стоявшая в дальнем углу комнаты и перебиравшая что-то на каминной полке.

Он подошел к ней и крепко обнял, прижал к себе:

– Я соскучился...

– Руки... руки убери, – негромко сказала она, и мужчина мгновенно повиновался:

- Прости... все время забываю, что тут ты Прозревшая.

- Перестань, Игорь. Ты прекрасно знаешь, что я делаю это для нас обоих. Но ты не должен вести себя со мной так, словно не веришь в мое высшее предназначение.

Он фыркнул в кулак и снова виновато посмотрел на женщину:

- Ну прости, Янка, никак не могу к этому привыкнуть.

- Как твои дела? - указав ему на мягкое кресло возле журнального столика, спросила женщина.

- Да все неплохо вроде. Осталось немного совсем - и я буду очень богатым человеком. - Он опустился в кресло и с наслаждением вытянул ноги: - Ох... затекло все за дорогу, угораздило же тебя в такую глушь забраться...

- Зато спокойно. Тут даже пункта полиции нет, приезжает иногда участковый из района. А нам спокойнее - к чему нашему Согласию лишние глаза и ненужный интерес? - Она села напротив, взяла с угла столика бронзовый колокольчик на длинной ручке и позвонила. - Ты при Клавдии не подавай вида, что мы хорошо знакомы, ладно? Мне не нужно, чтобы кто-то из окружения знал обо мне то, что знать не должен.

- Конечно, милая, о чем речь. Я помню правила. - Игорь выпрямился и постарался придать лицу равнодушное выражение, что давалось ему с трудом - в присутствии Яны он терял голову, совсем как в тот день, когда увидел ее совершенно по-новому на набережной в Санкт-Петербурге.

Зная ее до этого несколько лет, Игорь тогда едва смог говорить - настолько прекрасной показалась ему женщина в свете фонаря на фоне темной Невы и гранитного парапета.

Вошла Клавдия с серебряным подносом, на котором стояли две тонкие фарфоровые чашки и кофейник.

– Поставьте на стол и можете идти, – мягко улыбаясь, произнесла Яна так ласково, что у Игоря от удивления брови взметнулись вверх – таким тоном она не разговаривала никогда и ни с кем. – Благодарю от души, Клавдия Васильевна.

– Рада помочь, Прозревшая, – чуть склонившись, пробормотала женщина и, пятясь, удалилась, а Яна, шумно выдохнув, расслабилась:

– Тяжеловато, конечно, все время улыбку эту приклеенную держать, чтоб не сползала.

– Маскируешь волчий оскал, любимая? – пошутил Игорь и увидел, как блеснул злой огонек в ее светло-серых глазах. – Янка... – Он дотянулся до ее колена, сжал пальцами. – Ну не сердись, я же все понимаю. Скоро все закончится. Пошлем твое Согласие, куда Макар телят не гонял... Уедем куда-нибудь, где тепло и океан...

– Ты шутишь? Куда я уеду, а мои люди?

– Янка... ну ты серьезно, что ли?

– Конечно, – кивнула она, разливая кофе. – Ты только представь – власть. Абсолютная власть, люди, которые ловят каждое твое слово, люди, готовые только по одному движению твоего пальца совершить что угодно... – Яна отставила кофейник и на несколько секунд закрыла глаза. – Просто представь – ведь я могу внушить им все, что захочу... для того Согласие и создано – для власти...

– Зачем тебе это? – поморщился Игорь, подтягивая к себе чашку. – Мне казалось, мы затеяли это все с единственной целью – деньги. Не думал, что ты настолько вживешься в роль.

– Ты просто не понимаешь... – произнесла Яна свистящим шепотом и чуть подалась вперед, так что от резкого движения Игорь отпрянул, и кофе из чашки выплеснулся ему на колени.

– Черт! – Он вскочил, стряхивая горячую влагу на пол.

- Ковер испортил, - своим обычным голосом заметила она.

- А то, что сам мог обвариться, - не заметила? - недовольно спросил он, пытаясь промокнуть пятна на брюках салфетками.

- Твой костюм явно пропитан чем-то водоотталкивающим, так что проблемы нет. А ковер светлый. - Яна снова взяла колокольчик. - Клавдия Васильевна, будьте так добры, - журчащим мягким голосом произнесла она, когда женщина вошла в комнату, - наш гость случайно опрокинул чашку... могли бы вы...

- Конечно, Прозревшая, конечно! - заторопилась та. - Я сейчас же все почищу!

- Тогда мы не будем мешать вам и пойдем в кабинет. Наш гость просит прощения за свою неловкость, - с легким нажимом договорила Яна, метнув в Игоря выразительный взгляд, и тот кивнул:

- Клавдия Васильевна, прошу извинить меня за причиненные неудобства, я немного устал за рулем... надеюсь, вы не сердитесь?

- Что вы, что вы! Я понимаю... путь не близкий...

- Идемте за мной, - сказала Яна, поднимаясь из кресла, и Игорь послушно двинулся следом по длинному коридору, а затем по винтовой лестнице на второй этаж.

На самом верху, у небольшой ниши в стене, Яна вдруг остановилась и, оглянувшись, притянула Игоря к себе, быстро поцеловала и, оттолкнув, взялась за ручку двери.

Он рванулся к ней, но тут же замер, словно пригвожденный к полу холодным, пронизывающим взглядом.

- Не надо, - предостерегающе произнесла Яна.

- Я понял, - недовольно пробурчал Игорь. - Только и ты тогда...

– А что – я? – с улыбкой спросила она, и Игорь в который раз поразился тому, как быстро эта женщина меняет свои маски – с такой скоростью, что он не всегда успевает уследить.

– Ты не устаешь от этой патоки, в которой плаваешь? – Он уселся на небольшой диванчик в нише между книжных полок, закинул руки за голову и посмотрел на Яну, замкнувшую дверь на ключ и теперь стоявшую прямо перед ним с легкой улыбкой на губах.

– Рааа-дось... понимаешь, рааа-дось... – протянула она тем же голосом, которым разговаривала с Клавдией. – Согласие должно дарить радость окружающим, и тогда природа ответит нам тем же... в радости кроется сила... через радость в нашу жизнь приходит благополучие...

– Все, хватит! – Игорь затряс головой, почувствовав, как начали слипаться веки. – Прекрати, Янка, я серьезно. Мышей своих разводи на это, а со мной не надо так.

– Не мышей, а «примкнувших». И успокойся, я же пошутила, – сказала Яна своим нормальным голосом, хотя теперь Игорь уже не всегда мог вспомнить, каким он был раньше. – Хотела проверить, по-прежнему ли ты поддаешься.

– Куда я денусь? Я и так весь твой, без этих штучек, так что прекрати, не надо.

– Ну все-все, не сердись. – Она села на подлокотник и обняла его за шею.

Игорь положил руку на ее все еще тонкую талию и задышал чаще. Яна понимающе улыбнулась, но отрицательно покачала головой:

– Не сейчас. Я должна отпустить всех, кто есть в доме, а ты должен сделать вид, что спишь в гостевой комнате на первом этаже. Ночью я к тебе сама приду.

– Как в прошлый раз?

– Не надо было медовуху пить, которую Клавдия на стол выставила. Там семьдесят градусов – какой ты после был любовник? Скорее – алкоголик. – Яна взъерошила его волосы и тихо спросила: – А приехал зачем? Случилось что-то?

– Дело к тебе есть. Поможешь – на счет упадет вот такая сумма. – Он порылся в кармане брюк и достал сложенную бумажку, сунул ее в руку Яны, и та, открыв, прикусила губу:

– Это кто у нас такой щедрый?

– Какая разница... а работа нехитрая, тебе как раз по профилю. – Игорь вынул телефон и, покопавшись в галерее, показал Яне фотографию. – Видишь? Я тебе перешлю. Что делать – сама реши, но срок минимальный, дело срочное.

Она пожала плечами:

– Хорошо.

– Только... территориально это далеко на Севере.

– Ничего, – снова своим кротким мягким голосом проговорила она. – Везде есть люди, несущие свет, не только здесь, в Городе Радости.

Игорь закатил глаза:

– Ну просил же! И помни – сумма...

– Не все измеряется деньгами, Игорек. Информацию по объекту когда сбросишь?

– Хоть сейчас, у меня все здесь, в телефоне.

– Хорошо. А теперь иди в гостевую, Клавдия покажет. Я ночью приду.

Город Уйгууна

Уйгууна получила свое название от прииска, существовавшего здесь еще до революции. Так звали дочь самого богатого в округе якута, случайно нашедшего золото и ухитрившегося не только продать огромный самородок русскому промышленнику, но и стать его компаньоном, что для тех времен было практически фантастикой.

Уйгуной звали его дочь, и это имя, как считал отец, и принесло ему такое счастье, потому что на языке якутов оно означает «богатая». Прииск назвали в честь девочки, а затем и поселок, возникший вокруг, и небольшой город, появившийся на его месте.

Правда, самой Уйгууне ее имя не принесло ни богатства, ни счастья – она влюбилась в сына отцовского компаньона, а когда тот женился на воспитанной барышне из Петербурга, сошла с ума и убежала в тундру, где замерзла насмерть.

Эту легенду Анна впервые услышала от мужа, когда впервые приехала в Уйгууну после свадьбы.

– И ты веришь в это? – спросила она тогда, и Владлен, рассмеявшись, подтвердил:

– Конечно! Якутские легенды всегда правдивы.

Слово «тундра» прежде ассоциировалось у Анны только с вечной мерзлотой, бескрайними белыми просторами, где от снега больно глазам, но когда она увидела эту самую тундру весной и летом, то поняла, что ничего более прекрасного, пожалуй, уже и не увидит. Она влюбилась в этот жесткий край с его холодными затяжными зимами, стремительной весной и жарким засушливым летом, июньскими белыми ночами и совсем короткой осенью, наступающей уже в августе.

Первые несколько лет брака Мецлеры продолжали жить в Москве, но потом Владлен решил все-таки перебраться ближе к комбинату, и это не вызвало никаких возражений у его молодой жены, как он сперва опасался, сообщая ей о переезде.

Ее саму удивляла эта внезапно возникшая любовь, но Анна часто во время поездок куда-то за границу или просто в Москву ловила себя на том, что скучает по Уйгууне и считает дни, оставшиеся до возвращения туда.

Она любила этот город так, словно родилась здесь, и старалась сделать все, чтобы и люди, живущие в Уйгууне, чувствовали то же самое, чтобы не уезжали,

возвращались – потому что здесь лучше, чем где бы то ни было.

– Анна Андреевна, вы хотели в ночной клуб заехать, – напомнил водитель, и Анна, вздохнув, сказала:

– Нет смысла, Илья. Я не могу держать под контролем все заведения в городе и не могу запретить им обслуживать мою сестру.

– Да отчего же? – удивился водитель. – Как по мне – так запросто. Просто пригрозите, что их замучают проверки, а ведь в каждом заведении, если постараться, можно найти нарушения – любые, на вкус и кошелек. Иногда все средства хороши.

– Нет, дорогой мой, нельзя заставлять людей делать что-то, когда заведомо знаешь, что ты сильнее. Это просто нечестно.

– А что тут нечестного, я не понимаю, действительно? Если Дарине Андреевне откажут во всех клубах...

– То Дарина Андреевна все равно найдет, где выпить, – усталым голосом перебила Анна. – Я не знаю, что с ней делать. И, похоже, ничего так и не смогу.

– А я бы все равно попробовал, – упрямо настаивал водитель. – Будь это моя сестра...

– Вот и порадуйся, что у тебя только брат, и тот маленький пока. – Анна отвернулась к окошку и умолкла.

То, что Дарина стала много выпивать, она заметила давно, примерно с полгода назад, но до сих пор так ничего и не сумела решить. Сестра огрызалась, грозилась сбежать – пришлось спрятать ее паспорт в сейфе на комбинате, приезжала домой поздно.

Иногда Анне казалось, что она запуталась, как рыба в сети, и чем сильнее бьется, тем больше запутывается и вот-вот перестанет дышать, задавленная ячейками из лески.

Сведя Дарину с Сылдыз Угубешевой, Анна надеялась, что сестра хоть немного изменится, но все стало только хуже, а квартира Сылдыз превратилась в убежище для Дарины, когда той приспичивало сбежать из-под опеки.

Дома ее встретили звуки музыки, и у Анны потеплело на душе – в кои-то веки Дарина села за пианино, которое Владлен купил специально для нее.

Сестра сидела в просторной гостиной и, прикрыв глаза, играла Листа – это был ее любимый композитор, она даже однажды выиграла довольно престижный конкурс молодых исполнителей с его этюдом.

Анна тихо остановилась в дверях, прислонившись к косяку, и молча наблюдала за тем, как пальцы Дарины порхают над клавишами, словно даже не прикасаясь к ним.

Когда мелодия закончилась, Дарина, даже не открыв глаз, легла головой на клавиши, и они издали нестройный неприятный звук и умолкли.

Анна подошла к сестре, опустилась на корточки и попыталась заглянуть в лицо Дарины:

– Ну что с тобой, малыш? Так прекрасно играла...

– Сто лет за пианино не сидела, думала – руки отвыкли, – пробормотала та, не открывая глаз. – Ты чего так рано? Случилось что?

– Нет... устала просто. Ты ела что-нибудь?

– Не хочется...

– Может, со мной за компанию?

Дарина выпрямилась и взъерошила руками кудрявые волосы:

– Ну, если только за компанию... ты иди пере- оденься, а я пока узнаю, что там наша домомучительница наготовила.

Всегда, приезжая с комбината, Анна шла в крыло дома с организованной палатой интенсивной терапии, где вот уже три года лежал ее муж. Садилась рядом с его кроватью, брала сухую, обтянутую истончившейся кожей руку, сжимала ее и говорила, говорила...

Обо всем – о том, что видела по дороге в город и обратно, о том, с кем и о чем говорила на комбинате, о планах, о предстоящих праздниках, о том, как распускаются первые листочки на деревьях, или о том, что выпал первый снег.

Ей иногда казалось, что Владлен ее слышит и даже реагирует на голос слабым движением руки, но это, конечно, было не так.

Во время последнего визита очень хороший московский невролог сказал, что никаких шансов на то, что Владлен когда-то откроет глаза и начнет хоть как-то реагировать на внешние раздражители, нет.

– У него здоровое сердце, Анна Андреевна, и это в данном случае скорее минус. Кора головного мозга давно мертва, это уже не человек, простите... он будет жить до тех пор, пока бьется сердце.

Анна тогда зажала руками уши и попросила доктора больше ничего не говорить, а сама всю ночь проплакала, понимая, что он прав – Владлен никогда уже не станет не то что прежним, а вообще – не станет. Его нет уже три года, и если первое время была хоть какая-то надежда, то теперь ее не стало.

Сегодня она тоже не изменила правилу и поднялась к Владлену.

Дежурившая медсестра Юля сразу встала со своего места у столика с компьютером:

– Здравствуйте, Анна Андреевна. А я тоже сегодня пораньше... Светку отпустила, она в город собиралась.

– Хорошо. Сходите пока перекусить, я побуду здесь.

– Да, конечно... – Девушка вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Анна придвинула стул к кровати, привычным жестом поправила одеяло и взяла руку Владлена в свои.

– Что мне делать, Влад? – спросила она таким тоном, словно муж был в состоянии услышать или дать совет. – Я не хочу отдавать то, что ты построил здесь. Но на меня, похоже, начнут давить. Пока не знаю, где и как, но чувствую, что это непременно случится, и очень скоро. Наш комбинат остался практически единственным, кто не вошел в состав холдинга. Тимур собрал информацию – и мне она не понравилась. Если я подпишу документы о слиянии, мы точно потеряем и комбинат, и город. Как мне быть, Влад?

Муж, конечно, молчал, он вообще вряд ли услышал ее слова и понял их смысл и уж точно вряд ли смог бы ответить на ее вопросы, даже если и знал на них ответы. Но от этих монологов Анне становилось легче, а порой даже приходили решения.

Но не сегодня. Она чувствовала себя запутавшейся в паутине, и каждое движение приводит только к тому, что паутина плотнее обнимает тело, мешая двигаться и дышать.

– Я не знаю, на кого могу положиться, даже Тимуру не доверяю, – продолжала она шепотом. – Мне кажется, что у всех есть свой интерес в этом предложении и в любой момент мне всадят нож в спину. Ты ведь сам говорил – предадут те, кого ты заслоняешь грудью. Так трудно жить, когда не веришь... Анжелка вот в Москву улетела – я знаю, что к дочери, но вдруг – нет? Вдруг день рождения – только предлог? И так с каждым. Артем хотя бы вслух что-то произносит, а остальные молчат и, возможно, молча свое дело делают, я и понять не успею...

Анна поднесла безжизненную руку мужа к лицу, прижалась к ней щекой:

– Влад... мне так трудно одной. И тебя так не хватает... – Из уголка глаза выкатилась слеза, капнула на руку мужа.

Анна откинула голову назад, стараясь не расплакаться, хотя внутри все разрывалось от боли и отчаяния.

– Аня, ты тут? – раздался за дверями голос Дарины, и Анна быстро вытерла слезу с руки Владлена и придала своему лицу безразличное выражение.

– Да, иду уже.

Она наклонилась, чтобы поцеловать мужа в щеку, как делала всегда перед тем, как выйти из этой комнаты, и встала.

Владлен выглядел ровно так же, как вчера, как сегодня утром, как неделю назад... ничего не менялось, ему не становилось ни лучше, ни хуже – в одной поре, как искусственное растение.

Думать так о муже было больше всего – прежде такой деятельный, энергичный и жизнерадостный, Владлен теперь был никем.

Мецлеру было уже сорок два, когда они встретились, и это был его второй брак – в первом не сложилось, детей не было, жена после нескольких отчаянных попыток забеременеть сказала, что больше мучить себя не хочет, и ушла от Владлена к какому-то иностранному журналисту, уехала с ним не то в Бразилию, не то в Аргентину, этого Анна не знала, и никаких вестей о себе не подавала.

С Анной же Владлен познакомился в Москве, совершенно случайно, на каком-то банкете, куда Анна сопровождала своего тогдашнего босса.

Она несколько лет работала референтом у крупного чиновника в Министерстве нефтяной промышленности, и в ее обязанности входило сопровождать его на мероприятия, если жена была в отъезде.

Никакого романа с ним, как об этом шептались по углам, у Анны не было – чиновник обожал свою жену и с референтом поддерживал чисто деловые отношения. Ему нравилось, что Анна хорошо образована, много читает и может поддержать разговор почти на любую тему.

Когда же на банкете к ней подошел Мецлер – импозантный, в дорогом костюме, излучающий уверенность, – чиновник как-то сразу расстроился, поняв, что дни Анны в его ведомстве сочтены.

Так и вышло – после нескольких свиданий Мецлер предложил девушке перейти к нему в компанию, а еще через полгода Владлен сделал Анне предложение.

Она сперва очень испугалась – Владлен нравился ей, но его положение и финансовые возможности представлялись Анне чем-то запредельным. Она выросла совершенно в иной обстановке, воспитывала себя сама, на ее попечении находилась семья, и ей не хотелось, чтобы Владлен подумал, будто она выходит замуж из-за денег.

Когда она сказала ему о своих опасениях, Мецлер долго хохотал:

– На твоём месте любая другая думала бы, какую сумму просить на свадебное платье и сколько бриллиантов будет в обручальном кольце, а ты переживаешь, не решу ли я, что ты меркантильная! Да после такого я буду последним идиотом, если не женюсь немедленно!

Анна с первых дней замужества категорически отказалась увольняться с работы – эти деньги она собиралась отправлять родным.

Владлен предлагал свою помощь, но Анна твердо стояла на своём – это её родственники, и Влад совершенно не обязан нести этот крест.

На самом деле она просто не хотела, чтобы мать знала, чем на самом деле занимается её муж и сколько у него денег, – предвидела, что это приведет к плачевным последствиям. Но вскоре случилось нечто, заставившее Анну забрать пятнадцатилетнюю Дарину в Москву, и ей пришлось обратиться к мужу за помощью – её денег не хватило бы на это. Пришлось чуть приоткрыть завесу тайны, которой она изо всех сил окружала свою жизнь до встречи с Владленом.

Но Анна не знала другого – что втайне от неё Владлен собрал информацию о её прежней жизни и о жизни всей её семьи. Эту папку она нашла в сейфе на комбинате уже после того, как села в кресло, раньше принадлежавшее её мужу.

Оказывается, он все знал... знал и никогда, ни разу не подал вида, не намекнул, не упрекнул.

Около девяти вечера, когда Анна уже провела на ночь Владлена и собиралась лечь и немного почитать, вдруг в спальне появилась Дарина, ярко накрашенная и явно собиравшаяся уезжать:

- Ань... дай денег, а?

- Я давала тебе деньги вчера.

- Ну, я ж погуляла... не на чужие же, правда? - Дарина скорчила рожицу и повторила: - Ну дай, а?

- Ты куда собралась на ночь глядя?

- К Сылдыз. У нее сегодня тусовка какая-то благотворительная. Не веришь - позвони Саяне и спроси, она помогала организовывать. Арендовали зал во Дворце горняка, кажется, даже какие-то артисты из Москвы будут.

- А деньги-то тебе зачем? Неужто благотворительностью решила заняться?

- Ань, ну что ты язвись-то? Нравится меня носом тыкать в то, что живу за твой счет? Так у тебя денег от Владлена осталось - на три века хватит.

- Что значит - «осталось»? - напрыглась Анна.

- Ой, не цепляйся... - отмахнулась сестра. - Ну оговорилась, подумаешь! От этого сумма не изменилась.

- Ночевать, я так понимаю, ты хочешь у Сылдыз? Не пойдет.

- Я что - среди ночи потащусь в поселок? На такси?

- Я пришлю за тобой машину.

– Еще не хватало! Ты еще полицейский «бобик» за мной пришли! – фыркнула Дарина, глядя в зеркало над туалетным столиком и стирая пятнышко помады с зубов. – Я что – арестантка? У Сылдыз переночую, утром приеду.

– Я же сказала – нет.

– Да пошла ты! – рявкнула вдруг сестра и, сорвавшись с места, загрохотала каблуками сапог по лестнице.

Входная дверь хлопнула с таким звуком, словно ее с размаху закрыл здоровый мужик.

Анна подошла к окну, отодвинула штору и бессильно наблюдала за тем, как Дарина буквально бежит к воротам, на ходу вынимая из сумочки телефон.

Часы показывали половину четвертого, телефон сестры не отвечал, телефон Сылдыз – тоже.

Анна бродила туда-сюда по дому, потеряв сон и покой. Картины воображение рисовало не самые радужные – Дарина могла напиться, могла стать жертвой нападения, – ну мало ли отморозков даже в их относительно благополучном городе. Что угодно могло произойти...

Не выдержав, она позвонила Зотову.

Валерий долго не брал трубку, ну, оно и понятно – глубокая ночь, и Анна уже отчаялась, когда раздался его хриплый ото сна голос:

– Да, Аня, слушаю...

– Валера, прости ради бога, но... мне больше некому позвонить. Дашка пропала, телефон отключен и у нее, и у Сылдыз.

– Может, спят?

– Они на каком-то благотворительном вечере во Дворце горняка, фонд Сылдыз, кажется, организатор. Но я в этом, если честно, не уверена.

– Вечер такой был, я точно знаю – Саяна присылала приглашительные, но я не смог, договорился с приятелем встретиться. Но не думаю, что до сих пор гуляют, ночь уже.

– Валера... что делать, а?

– Ты только не нервничай, хорошо? Я сейчас доеду до Сылдыз, проверю и позвоню тебе, – сказал Валерий, и у Анны потеплело внутри.

– Спасибо... ты уж прости меня...

– Не надо, Аня. Завари пока себе чайку, успокойся... я быстро.

«Легко тебе говорить – “завари чайку, успокойся”, это ведь не твоя сестра сейчас неизвестно где и неизвестно, в каком вообще состоянии!» – в отчаянии думала Анна, курсируя по дому с сигаретой, которую забыла зажечь.

– Я живу на пороховой бочке, никогда не знаешь, что вытворит Дарина в следующую секунду, куда влипнет, где потеряется!

«Может, отступить? Отправить ее на материк, пусть живет так, как хочет, в конце концов, ей давно не пятнадцать... Нет, не могу... будет еще хуже, здесь хотя бы на глазах, могу вмешаться, помочь, а там? Нет, нельзя...»

В это время Валерий Зотов, всклокоченный, предельно злой, сидел за рулем своего джипа и объезжал ночные клубы один за другим.

Разумеется, в квартире Сылдыз никого не было, включая и саму хозяйку, свет не горел, на звонки в дверь и на телефон никто не отвечал, а сонный консьерж пообещал вызвать полицию, если Валерий немедленно не уедет.

«Чертовы девки! – постукивая пальцами по оплетке руля, думал Валерий, направляясь в очередной клуб. – Вот что значат деньги, которых ты никогда не

зарабатывала собственными руками!»

Сам Зотов цену деньгам знал отлично, выбивался из самых, что называется, низов, без посторонней помощи поступил и с блеском окончил два института, работал в разных компаниях, пока не попал к Мецлеру и не вгрызся в новое для себя дело, не освоил все тонкости, не стал правой рукой шефа.

Сейчас он мог позволить себе все что угодно – от хорошей машины до поездок на любые курорты мира, мог заводить романы с самыми красивыми женщинами, если бы хотел, – денег хватало, но привыкший экономить и не транжирить Валерий выглядел аскетом и жил для своих возможностей крайне скромно, если не считать коллекции баснословно дорогих наручных часов.

Это скорее было своеобразным закрытием гештальта – еще в детстве, когда в их небольшом городке на Волге появились первые коммерческие магазины, торговавшие всем, что только можно было представить, маленький Валера увидел в витрине японские часы с будильником, барометром и миниатюрным компасом. Вещь поразила его так, что несколько ночей мальчик не мог спать – стоило закрыть глаза, как возникала витрина и мерцающий корпус часов, металлический браслет из множества звеньев, бархатная коробочка. Но цифра на ценнике сопровождалась таким количеством нулей, что даже думать об этом было страшно. И Валерка обрел мечту и цель – заработать денег и непременно купить часы.

Каждый день он забегал в «комок» хоть на пять минут и проверял, на месте ли вождеденная вещица. Конечно, часы были на месте – мало кто мог решиться и отдать пару месячных зарплат за не столь уж и нужное развлечение.

Зотов собирал и сдавал бутылки и жестяные банки, продавал газеты, раздавал флаеры на остановках, даже мыл подъезд и рано утром мел дворы вместо запойного дворника Тихомирова, обещавшего мальчишке процент от своей зарплаты.

А однажды Валерке несказанно повезло, такое бывает, наверное, раз в жизни – он нашел за гаражами портмоне. Забрел он в это глухое место в поисках бутылок – ну а вдруг удача улыбнулась бы и подкинула парочку, но на этот раз куш оказался куда крупнее.

В портмоне лежали четыре стодолларовые купюры – неслыханное богатство, таких денег Валерка не то что в руках не держал, а даже никогда не видел.

Озираясь по сторонам и в глубине души чувствуя, что поступает неправильно, он все-таки сунул купюры в карман стареньких джинсов и судорожно сглотнул.

Внутри шевелилось странное ощущение – один внутренний голос твердил, что деньги вместе с портмоне нужно отнести в отделение милиции, а другой – подленько нашептывал: «Ну кто станет искать владельца? Скорее всего, дежурный заберет деньги себе, и все».

Валерка крутил в руках пустое портмоне – оно на самом деле было пусто, кроме четырех сотен, там ничего больше не было, даже мелочи.

Принять решение никак не получалось, но в конце концов Валерка решился, закинул портмоне на крышу ближайшего гаража и быстрым шагом пошел прочь, унося за пазухой свою случайную находку.

Дома он заперся в комнате, вынул из-под кровати жестяную банку от чая, которую использовал вместо копилки, бережно сложил туда купюры и, снова убрав в самый дальний угол, побежал на очередную работу.

Мечта становилась все более осязаемой. Однако сбыться ей все-таки было не суждено.

Примерно через неделю, когда Валерка принес очередную сумму денег, чтобы убрать в копилку, банка оказалась пуста – кто-то из дружков вечно пьяного отца нашел ее и присвоил содержимое.

Горю Валерки не было предела, ему показалось, что у него не деньги украли – у него вырвали сердце, вынули душу. Он по-настоящему плакал, размазывая слезы по лицу и даже не стесняясь этого.

Коммерческий магазин с того дня он обходил за квартал, но мечте своей не изменил и, устроившись параллельно с учебой в престижном вузе на работу, с первой же зарплаты начал откладывать деньги на свои первые часы.

С тех пор так и повелось – только игрушки становились все дороже и престижнее, и собралось их так много, что здесь, в прекрасной квартире, обустроенной со вкусом и вложением немалых средств, Валерий обустроил специальный шкаф с выдвижными ящиками под стеклом, в которых лежали экземпляры его коллекции – каждый в отдельной ячейке с подсветкой.

Но те, самые первые, так запавшие в душу часы он так и не нашел.

Остановив машину у очередного клуба, Валерий вышел, размял затекшие плечи – не любил сам водить, предпочитал ездить на пассажирском сиденье.

На входе его попытался остановить охранник, но Зотов шепнул ему на ухо фамилию владельца, и парень сделал шаг назад.

На танцполе было почти пусто, извивались три какие-то девицы, у барной стойки скучал бармен, в углу за столиком обнималась парочка.

Дарины видно не было, и Валерий развернулся, направляясь к выходу, но слегка запутался и оказался в длинном коридоре со множеством дверей, за одной из которых вдруг услышал голос Дарины.

На цыпочках приблизившись, Валерий прижал ухо к двери – девушка заплетающимся языком требовала выпивки, а мужской голос уговаривал ее не пить больше.

«Ну, приехали... еще только из чужих постелей я ее не доставал», – раздраженно подумал Зотов, но выбора не было – он должен привезти Дарину домой, чтобы успокоить Анну.

Решительно взявшись за дверную ручку, Валерий изо всех сил дернул ее, навалился плечом, и непрочное дверное полотно треснуло. Еще один толчок плечом – и вот уже он ввалился в небольшое помещение, все залитое мягким красноватым светом.

На круглой кровати сидела в одном белье совершенно пьяная Дарина, а рядом лежал мужик лет сорока, чье лицо показалось Валерию смутно знакомым.

Увидев Валерия, оба уставились на него с немым вопросом в глазах.

- Собирайся, - бросил Зотов, глядя на Дарину с отвращением.

Та пьяно шатнулась, натянула на себя простыню:

- Пошел ты...

- Я сказал - собирайся! - повысил он голос, и тут очнулся кавалер:

- Ты это, братан... полегче... какого вообще...

- А ты захлопнись, если зубами дорожишь, - процедил Зотов, даже не взглянув в его сторону. - Дашка, я кому сказал?

- Ты мне никто!

- Тебе повезло, - потеряв терпение, Валерий схватил ее за руку, сдернул с кровати и, когда девушка начала вырываться, не сдержался и врезал ей звонкую пощечину, от которой Дарина почти сразу пришла в себя и заскулила:

- Отпусти... больно же... я сама, сама...

- Быстро одевайся! - цыкнул Валерий. - А ты... - обернулся он к мужику, - если не хочешь больших проблем, не вздумай рыпаться или - что еще хуже - языком трепать, понял? Найду и отрежу.

Мужик мелко закивал, Валерий крепко взял за руку набросившую на себя платье Дарину и поволок ее к выходу.

- Погоди... Сылдыз...

- Что - Сылдыз?

- Давай ее тоже заберем... - бормотала Дарина, еле успевая перебирать ногами.

Зотов резко остановился, и она врезалась в его плечо так сильно, что разбила нос.

Закапала кровь, Валерий тяжело вздохнул:

- Где она?

- Тут... тут только мы... - запрокинув голову, прогнусила Дарина.

- Мне что - все двери вышибать? Показывай где.

Дарина ткнула пальцем в дверь у самого выхода из коридора.

- Стой тут, - велел он, прислонив девушку к стене, но она съехала на пол, пытаюсь унять кровь.

Выбив дверь ногой, Валерий оказался точно в такой же комнате, как и та, где он нашел Дарину.

На такой же круглой кровати в красноватых лучах света извивалась в странном танце миниатюрная девушка с длинными черными волосами, а на самом краю лежал немолодой мужик, державший в руке мундштук кальяна.

Валерий без слов сгреб Сылдыз за шею, скинул на пол, туда, где валялось серебристое платье в блестках.

- Одевайся! - бросил он зло, и в этот момент мужик, откинув в сторону мундштук, выхватил из-под подушки пистолет.

Зотова спасло только то, что мужик был сильно пьян и пистолет в его руке гулял туда-сюда, никак не желая фокусироваться на мишени. Валерий успел выбить его ногой, а попутно еще и разбить лицо его владельцу.

- Лежи молча, падла! - Он подобрал пистолет, сунул за ремень джинсов. - Собралась? - это относилось к впавшей в какое-то ступорозное состояние девушке. - Вот дуры, мать вашу... - Валерий натянул на Сылдыз платье и выкинул ее в коридор. - А ты, урод, лежи здесь и не рыпайся, иначе... - Он

внушительно похлопал по пистолету за поясом и вышел вслед за девушкой.

Схватив за руки обеих, он потащил их к выходу, игнорируя вопрос охранника:

– Куда вы их?

Затолкав девушек в машину, он сел за руль и направился в сторону улицы, где жила Саяна Угубешева.

– Благотворительный вечер, значит? – бросив взгляд в зеркало заднего вида, спросил Валерий. – Ну, молодцы – денег не берете, даром работаете. Совсем мозги просвистели, идиотки? Ты забыла, кто твоя мать? Или ты – кто твоя сестра? Как вы вообще посмели...

– Да пошел ты... – вяло отозвалась Дарина.

– Я-то пойду, – кивнул Валерий, – а вот тебя сам лично сегодня же посажу на цепь. Будешь во дворе на поводке гулять, как собака, которая провинилась.

– Не надорвись.

– А не беспокойся, не надорвусь.

Он посигналил у ворот трехэтажного дома, и ворота поехали в сторону.

Охранник впустил машину, подошел и осветил фонариком салон.

– Сылдыз Баган-оол... – пробормотал он, видимо, шокированный видом дочери мэра.

– Все, могу ехать? – прервал Валерий, и охранник кивнул.

Припарковавшись у крыльца, Зотов вытащил из машины Сылдыз, щелкнул кнопкой сигнализации, запирая Дарину, чтобы не попыталась вырваться, и поволок дочку Саяны домой.

Мэр открыла сама – в глазах тревога, в пальцах – длинный мундштук с сигаретой, длинный шелковый халат распахивался при каждом движении, и Саяна даже не трудилась его поправлять.

– Боже мой... боже мой, Сылдыз... Валерий Алексеевич, почему она в таком виде? Где вы были?

– Это ты у дочери спроси! – зло отозвался Валерий. – А еще лучше – приставь к ней охранника, чтобы мне не приходилось разыскивать ее по злачным местам! Спокойной ночи, Саяна. – Он развернулся и пошел к выходу, изо всех сил сдерживая рвущуюся из груди ярость.

Возле машины он остановился, вынул сигарету, закурил, вбирая в легкие табачный дым и стараясь успокоиться, чтобы не сорваться и не врезаться еще раз Дарине, вжавшейся в заднее виденье, хорошую оплеуху.

Почувствовав, как ярость понемногу оседает в нем, как песок в воде, Валерий отбросил окурочек и открыл машину.

Дарина опасливо заерзала:

– Не лупи меня больше...

– Да нужна ты... – Зотов сел за руль, завел двигатель. – Не будь сестры твоей – так и не возился бы я с тобой, на фиг ты мне бы сдалась, шалава малолетняя. Но только потому, что Анне тяжело, а ты, идиотка, еще усугубляешь все, я исполняю роль сыщика и надзирателя. Но по правде сказать – на сто метров бы к тебе никогда не подошел, дешевка.

Дарина всхлипнула, но возражать не посмела – прекрасно понимала, что это не с сестрой огрызаться. Зотов не станет слушать, просто врежет опять по лицу. И ведь даже пожаловаться на него Анне она не сможет – иначе придется признаваться, откуда именно вытащил ее Валерий.

– Валер... – пробормотала она сквозь всхлипывания. – Валер... давай договоримся, а?

- С чего бы вдруг мне с тобой договариваться?

- Ты ведь понимаешь... если Анька узнает...

- А ты надеешься, что на этот раз я тебя тоже покрывать буду? - усмехнулся он, всматриваясь в темную дорогу. - Мне это зачем?

- Ну Валер... - Дарина вцепилась в подголовники кресел и чуть подалась вперед, обдав Зотова запахом спиртного, от чего тот поморщился и приоткрыл окно. - Ты же знаешь... Анька... ну, она скандалить опять начнет, орать, нервничать... запрет меня дома...

- А я ей помогу, сказал же. Будешь сидеть на цепи, раз не понимаешь. Мне спокойствие Анны куда важнее, чем твоя бестолковая жизнь.

- Валера... ну ты ведь не такой, я же знаю... ты в прошлый раз тоже орал, а Аньке не сдал все-таки. Давай договоримся, а?

- Ты точно дура. «Договоримся!» - передразнил Валерий, выезжая из города как раз возле ярко освещенной стелы с надписью «Уйгууна». - Это тебе от меня что-то нужно, а мне вот от тебя - нет. Плевать я на тебя хотел, понятно? Что ты мне можешь предложить? Ни-че-го!

- Ну, это ж как посмотреть... - пьяно ухмыльнулась Дарина и опустила еще ниже и без того глубокое декольте блестящего платья.

- Захлопнись, дура, - брезгливо поморщился Зотов. - Ты меня как женщина вообще не интересуешь. Но договориться мы можем.

- Чего ты хочешь?

- Расскажи мне, кому принадлежит бордель, в котором я тебя нашел.

Она отшатнулась:

- Ты... что?!

– А что? Как по мне – вполне справедливая сделка. Я не говорю Анне, где и в каком виде тебя нашел, а ты рассказываешь мне, кто организовал этот маленький бизнес в городе, где за подобные фортели можно без головы остаться. А заодно и кто наркоту поставляет.

– Ка...какую... наркоту? – задохнулась Дарина, испуганно тараща глаза.

– Ой, давай вот без этого, – поморщился снова Валерий. – Не свисти мне тут... я не вчера родился и вырос, кстати, тоже не в Версале, отлично знаю, как выглядят люди в наркотическом приходе. Так что давай, Дашка, колись по-быстрому, пока не доехали. При Анне-то, думаю, неудобно тебе будет.

– Я... я его не знаю... один раз видела только... – пробормотала она, обхватывая голову руками и вжимаясь лицом в колени. – Его, кажется, Гектором называли... да, точно – Гектором... он не местный, это точно, с материка приезжает раз в месяц или, может, чаще... я действительно не знаю, Валера...

– Хорошо, допустим. Наркоту тоже он привозит?

– Не знаю... мне Сылдыз обычно дает, а где сама берет – ну не знаю я, не спрашивала...

– Вы точно обе идиотки. Ты можешь себе только представить, что будет, если кто-то вдруг спалит вас с Сылдыз в этом притоне, а? Обдолбанных, как сегодня? Да из-под Саяны мэрское кресло тут же выкатится! И Анна, кстати, в этом поможет! Она не для того тут хлещется с социальными программами комбината, чтобы дочка мэра и ее собственная сестра сидели на наркоте и торговали собой!

– Ты обещал, что Аньке не скажешь!

– Теперь я уже в этом не уверен, – отрезал Валерий, въезжая в поселок, и Дарина затравленно посмотрела на него в зеркало:

– Ты обещал...

– А что ты бы на моем месте сделала? – ему нравилось вот так издеваться над ней, нравилось видеть испуг в глазах, трясущиеся не то от страха, не то от

начинающихся «отходняков» руки. Она вся сейчас была в его власти – если бы только Валерий захотел этой властью воспользоваться.

– Валера... – заскулила Дарина, и он оборвал:

– Все, заткнись! Это был последний раз, усекла?

Она закивала, но Зотов был практически уверен – через пару-тройку недель, ну, самое большое через месяц все повторится опять.

Когда он подъехал к дому Анны, там во всех окнах горел свет, и у Валерия нехорошо защемило в груди – неужели с Владленом что-то случилось, но потом он перевел взгляд на левое крыло здания и понял, что ошибся – в окне комнаты, где лежал Мецлер, свет горел еле заметно – всего лишь настольная лампа, так что дело не в нем.

Въехав в ворота, Валерий вышел из машины и открыл дверцу, предлагая Дарине:

– Давай выметайся, шалава.

Она вышла, дернула плечами, поправила волосы и хотела идти к боковому входу, через который обычно заходили домработница и медсестры, но Зотов перехватил ее, разгадав маневр:

– Куда? Нет уж, подружка, через парадный пойдем, не получится улизнуть. Умей отвечать за то, что сделала.

Дарина попыталась вырваться, но он держал крепко и тащил за собой.

– Да пусти ты, мне больно! Синяк останется!

– А кто его увидит? Ты ж под арестом теперь, – хохотнул Валерий, открывая дверь и вталкивая Дарину в прихожую.

На звук открывшейся двери со второго этажа спускалась Анна – серая от бессонницы и переживаний, но какая-то непривычно злая, такой Валерий ее

прежде не видел.

– Вот, получите-распишитесь, – толкнув Дарину к ней, насмешливо произнес Зотов.

Анна даже не взглянула на сестру, только процедила сквозь зубы:

– Марш к себе и на глаза не попадайся!

Дарину уговаривать не пришлось, она мышью прошмыгнула мимо Анны к лестнице и скрылась на втором этаже.

– Кофе будешь? – спросила Анна усталым голосом, и Валерий замялся:

– Мне в город еще возвращаться...

– Валера, прекрати... оставайся, уже суббота, тебе никуда не надо. А я не могу одна оставаться, меня просто разорвет.

Он шагнул к ней, обнял, прижал к груди:

– Ну, все-все... успокойся, милая, все закончилось...

– Спасибо... – прошептала Анна, упираясь лбом в его грудь. – Не знаю, что бы делала без тебя...

– А зачем тебе без меня что-то делать, я же здесь... – тоже шепотом проговорил он, беря в ладони ее лицо и заглядывая в глаза. – Кофе обещала...

– Да-да... – встрепенулась Анна. – Идем... – но Валерий на секунду задержал ее и осторожно поцеловал куда-то в самый краешек губ. – Не здесь...

– Да, как скажешь...

Вслед за Анной он двинулся в просторную кухню, обставленную зеленовато-бирюзовой мебелью, уселся за придвинутый к большому окну стол и уставился

на женщину, зажигающую плиту и насыпавшую кофе в большую медную джезву.

- Совсем не спала?

- Совсем. И Саяна еще позвонила...

«Черт бы ее подрал, дуру! – зло подумал Валерий, не сообразивший предупредить мэра о том, что не стоит беспокоить Анну такими известиями. – Ну ничего... как-нибудь замну».

- Что она тебе сказала?

- Только то, что ты их нашел. Я так и не поняла, где именно.

- Да в клубе ночном тусили, пьяные в дрова, – брезгливо откликнулся он. – Еле увез, еще и брыкались. Ты бы с Дашкой пожестче, Аня...

- Как?! – резко развернувшись на каблуке домашней туфли, спросила Анна. – Как – пожестче? Бить ее?

- А хоть бы и так, – спокойно сказал Валерий, покручивая в пальцах зажигалку. – Если словами не доходит до нее.

- Ты говоришь ерунду...

- А ты попробуй, вдруг поможет.

Анна молчала, постукивая ложечкой по джезве, чтобы осадить поднявшуюся пену, и Валерий невольно засмотрелся на нее, подумав, что сейчас она выглядит такой беззащитной и хрупкой, совсем не такой, как бывает на комбинате. И такая Анна нравилась ему еще сильнее – ее хотелось оберегать, защищать, закрыть собой.

- Ань... ну, может, ты ее действительно на материк отправишь, пусть живет, как знает? Ну невозможно постоянно держать рядом гранату с выдернутой чекой, – осторожно сказал Валерий, а она покачала головой:

– Ты ведь знаешь... я постоянно об этом думаю, ищу свою вину в ее поведении... если отправлю отсюда – совсем ни минуты спокойной не будет. Из головы-то не выбросишь, как из города.

Она вынула из шкафа чашку с блюдцем, поставила перед Зотовым и налила кофе. Ни молоко, ни сахар не предложила – знала, что он пьет крепкий черный, не любит изысков вроде корицы, специй или лимона.

Валерий улыбнулся, потянул чашку к себе:

– Ты не хочешь сегодня куда-нибудь прогуляться?

– Спать я хочу, Валера... а гулять – нет, не хочу, – отозвалась Анна, садясь напротив.

– Так я и не сию минуту предлагаю. Поспим, отдохнешь – и поедем в город, в ресторан тебя свожу – хочешь? Соглашайся, Аня, ты так совсем с ума сойдешь, если дома все время будешь.

– Посмотрим, – неопределенно сказала она, задумчиво глядя ему в лицо. – Ты пей, остынет... а я пойду посмотрю, как она там. – И Валерий не успел ничего возразить, как Анна уже вышла из кухни.

Сделав глоток кофе, Валерий вынул телефон и быстро набрал сообщение Тимуру с просьбой выяснить, кто такой этот загадочный Гектор, посмевавший организовать нелегальный бизнес в их городе.

Тимура Сагитова негласно считали чуть ли не «теневым королем» города, и без его ведома здесь не происходило ничего, а потому он должен был быстро разобраться с непрошеным гостем.

Он не стал дожидаться, пока вернется Анна, поднялся наверх в ее спальню и растянулся на кровати, блаженно закрыв глаза.

Оставив его скоротать остаток ночи сегодня, Анна перешагнула барьер, который сама же и воздвигла год назад, когда они впервые стали близки.

– Я не могу, понимаешь? Не могу... когда Владлен... когда он – здесь, в этом доме... мне будет казаться, что он все знает, – говорила она тогда, лежа в его объятиях на холостяцкой кровати.

– И не надо, – согласился Зотов, которому соседство пусть и с совершенно неживым уже Мецлером тоже не казалось удачной идеей. – Есть моя квартира – чем тебе здесь не нравится?

– Я так не сказала. И твоя квартира меня вполне устраивает, просто... ты ведь понимаешь – кроме Владлена, есть еще Дарина.

Этого Зотов ни понять, ни принять никак не мог – почему Анна, свободная, самодостаточная женщина, должна зависеть от своей безбашенной сестрички? Кто такая эта соплячка, чтобы решать, где и с кем Анне проводить свое время? Почему ее личная жизнь должна строиться в зависимости от мнения никчемной, избалованной, испорченной девицы?

Но разговаривать об этом с Анной было совершенно бесполезно – она считала себя ответственной за все, что происходит с сестрой, и старалась не провоцировать взбалмошную Дарину на какие-то поступки.

Разумеется, та сразу догадалась, в чем дело, и даже попыталась шантажировать Валерия, однако ему-то она сестрой не приходилась, потому Зотов поднес ей кулак к лицу и всерьез пообещал, что церемониться не станет, а просто свернет шею и скажет, что сама упала, напившись вдрызг, и Дарина притихла. Но все равно в доме Анны он остался впервые только сегодня, и это – Валерий чувствовал – было неким актом благодарности за то, что помог найти сестру.

«Да и какая, в сущности, разница – почему я здесь? – думал он, лежа на кровати с закрытыми глазами. – Главное ведь не в этом, не в причине. Я ей нужен – вот что главное, и она признала это как раз тем, что оставила».

Неслышно вошла Анна – Валерий понял это по едва уловимому аромату ее духов, чуть терпкому, с цитрусовыми горьковатыми нотками. Зотов сам недавно подарил ей флакон, хорошо знал предпочтения.

Она скользнула на кровать, устроилась под его рукой, обхватила за талию и затихла.

- Ань... - прошептал Валерий, аккуратно поправляя локон волос, упавший ей на лицо. - Ты поспи... измучилась ведь...

- А ты?

- А я так полежу, совсем сон прошел. Спи, милая, я с тобой...

Она вздохнула, но ничего не ответила и объятий не ослабила, наоборот - закинула ногу ему на бедро и через пару минут уже крепко спала, а он старался лежать неподвижно, чтобы не потревожить ее сон.

В дверь стучали - не деликатно, как всегда делала домработница, а с размаху, кулаком, и Анна, с трудом разлепив тяжелые веки, села на постели, инстинктивно натянув простыню до подбородка:

- Кто там?

- Анна Андреевна, вставайте, там Дарине плохо! - раздался голос медсестры Светы, и Анна вскочила с кровати, попутно ткнув в плечо по-прежнему спавшего Валерия:

- Валера... вставай, Дашке плохо.

Пока Зотов приходил в себя, тер лицо ладонями, пытаясь прогнать сон, Анна, на ходу пытаясь попасть в рукава халата, бежала вместе со Светой в левое крыло дома.

- Почему она там? - на бегу спросила она у медсестры.

- Сама пришла... пришла - говорит, дай таблетку от головной боли. Ну, я дала - она выпила и тут же в ванную побежала, рвало ее долго, вся испариной покрылась, губы синие... я испугалась, к вам побежала...

- Надо врача вызвать из города.

– Я хотела сразу, но решила, что вам сначала скажу... мало ли... – и что-то в этой фразе медсестры Анне не понравилось.

Дарина лежала на кровати в комнате, которую практически никогда не использовали – изначально она планировалась как спальня для врача, но потом, рассудив, что присутствие доктора на постоянной основе не требуется, от этой идеи Анна отказалась.

Сестра выглядела ужасно – лицо совершенно белое, бескровное, на лбу испарина, губы посинели так, что казались покрашенными чернилами.

Дарина тяжело дышала и закатывала глаза, металась по кровати, то стягивая все тело в узел, то распрямляясь и натягиваясь как струна.

– Даша... Дашенька, что с тобой? – Анна села на край кровати и взяла руку сестры в свои – пальцы были ледяными.

Дарина не ответила, только снова закатила глаза и выгнулась в судороге.

– Света, врача немедленно! И попросите Илью, чтобы привез, номер знаете?

Медсестра кивнула – номер личного водителя Анны знала вся обслуга дома.

Пока девушка звонила, пришел Зотов, кинул взгляд на распластанную Дарину и застывшую от ужаса Анну, выставил из комнаты Светлану с телефоном и, закрыв дверь, подошел к кровати.

– Врача вызвала? – Анна молча кивнула, не сводя взгляда с сестры. – А ей не врача надо, между прочим, да, дорогуша? – чуть склонившись к Дарине, произнес он.

– Ты о чем? – очнулась Анна.

– А ты не видишь? У нее же ломка.

– Что?! – дернувшись всем телом, как от удара, переспросила Анна.

– Аня, ну что ты как маленькая? – рассердился Валерий. – Ломает ее, перебрала вчера, с дозой не рассчитала, да еще алкоголем сверху отполировала.

– Валера... что ты такое говоришь? – в ужасе прошептала Анна, не выпуская руки Дарины, и тогда Зотов решительным жестом сдернул одеяло и схватил девушку за щиколотку. – Смотри сама, – он показал Анне следы укусов на лодыжке. – Видишь? Продуманная девочка колется туда, где не сразу видно, правда, Дашенька? На локтях-то сестричка сразу спалит.

Анна закрыла лицо ладонями, не замечая, что рука Дарины, которую она выпустила, безжизненно свесилась с кровати.

– Зачем? – прошептала она, чувствуя, что сейчас заплачет. – Зачем ты сделала это?

Дарина не отвечала – до нее, кажется, вообще не доходило ничего из происходившего в комнате.

Зато Валерий, став вдруг жестоким, сказал:

– А назло, Аня! Тебе назло, как ты не понимаешь? И чем больше ты пытаешься ее контролировать, тем сильнее она сопротивляется.

– Но она же убьет себя!

– Непременно, – подтвердил Зотов, отойдя к окну и глядя вниз, туда, где чистил дорожку к дому охранник. – Непременно убьет, Аня, чтобы ты всю жизнь потом об этом жалела. Твоя сестра – чудовище, неужели ты не понимаешь? Она решила отравить тебе жизнь – и успешно справляется с этим.

– Валера, замолчи! – вдруг жестко произнесла Анна, убирая от лица руки, и Зотов поразился тому, как резко она изменилась. – Я понимаю, что ты хочешь сказать. Этого не будет, смирись.

– Ну, тогда будь готова к тому, что она выкинет что-нибудь поинтереснее, чем легкая передозировка. Когда успела-то? Я ж сумку ее наизнанку вывернул – не было там ничего.

Валерий развернулся и стремительно вышел из комнаты, направившись в жилое крыло дома.

Там он распахнул дверь в комнату Дарины и принялся методично, полка за полкой, ящик за ящиком, сумка за сумкой обыскивать ее. Совершенно не заботясь о том, что оставляет бардак, что на пол летят дорогие вещи, что содержимое всех тумбочек вывалено сверху, он продолжал обшаривать вещи Дарины, но нашел только небольшой пустой пакетик под кроватью.

- Неужели шприц догадалась выкинуть в комнате Владлена? – пробормотал Зотов, нюхая пакетик. – Не совсем дура, соображает.

Сунув находку в карман джинсов, он вернулся в левое крыло дома, зашел в комнату, где лежал хозяин, и негромко велел сидевшей около него медсестре:

- Светка, мусор медицинский быстро упакуй мне в отдельный пакет.

- Зачем? – не поняла девушка, и он подстегнул, сверкнув глазами:

- Быстро, я сказал!

Светлана пересыпала содержимое небольшого ведерка под кроватью в пакет, завязала и передала Валерию:

- Вот.

- Молодец, – подмигнул он и вышел, прихватив пакет.

Копаться в нем сейчас не собирался – шприц, если он там, никуда не денется.

В это время приехал врач, поздоровался мимоходом и поспешил к Анне, ждавшей его на пороге комнаты. Валерий туда не пошел – не хотел наблюдать за малоприятными процедурами. Его заботило другое – где дочь Саяны Угубешевой берет наркотики, которыми снабжает свою подружку.

«Надо бы прижать ее, вот и выложит все, что знает, – подумал Валерий, спустившись к машине, чтобы убрать пакет в багажник. – Придется снова

беспокоить Тимура».

Звонить он тоже решил с улицы, чтобы не было посторонних ушей, да и чтобы скрыть пока эту информацию от Анны.

Сагитов удивился, услышав, что именно интересует Валерия:

– Ты с чего это взял?

– Практически поймал за руку. Попробуй прощупать, чем на самом деле эта Сылдыз дышит. Всегда я знал, что такие вот положительные тихони – самые опасные во всех смыслах. – Перед глазами встала стоп-кадром картинка из борделя – извивающаяся на простынях в луче красного света тоненькая черноволосая Сылдыз и лежащий рядом несвежий любитель молодых тел. – Если что вдруг узнаешь, никому – только мне, понял? Будет хороший повод и Саяну на коротком поводке придержать.

– Она и так карманная.

– Ничего, лишним не будет. Давай, Тимур, поворачивайся. Только Анне ни слова пока.

– Ее тоже хочешь на поводок покороче? – выдал вдруг Сагитов, и у Валерия все похолодело внутри – о их связи никто не должен был знать, они старались скрывать это от посторонних глаз, но Сагитов, будучи начальником службы безопасности и имея обширные связи и возможности, вполне мог уже что-то накопать.

– Ты бы не шутил так, Тимур, – протянул Валерий, стараясь говорить ровным голосом. – Я всего лишь хочу, чтобы ей полегче было, а тут эта бестолочь все время что-то чудит.

– Так дело в Дарине?

– Ну а ты что подумал-то? Они с Сылдыз что-то мутят, и я хочу узнать, кто им в этом помогает.

– Сделаю, – коротко бросил Сагитов и положил трубку.

Поселок Листвяково

– Все готово, Прозревшая, – Клавдия склонила голову и убрала руки под фартук.

Яна встала из-за туалетного столика, бросила еще один взгляд в зеркало – выглядела прекрасно, тонкая фарфоровая кожа словно светится изнутри, легкий румянец на щеках, глаза чуть влажные, глубокие, как два колодца, волосы аккуратно уложены в тяжелый пучок на шее. Осталось накинуть на голову кружевную шаль – и все, можно идти работать.

Сегодня ее ждали видеографы – запись проповеди, которые назывались откровениями, а затем онлайн-тренинг.

Откровения хорошо продавались, деньги поступали регулярно, участие в тренингах тоже было платным. Кроме того, прекрасно продавались открытки с изображением Прозревшей – для той категории страждущих, что не умели пользоваться интернетом.

«Маленький прибыльный бизнес!» – шутила Яна в кругу приближенных, однако те понимали, что женщина лукавит – не такой уж маленький, а прибыль давно исчислялась сотнями тысяч. Потому что не на открытках, брошюрах и записях Яна зарабатывала, это было, скорее, легальным прикрытием.

Пожертвования и выручка от продажи недвижимости – вот что приносило по-настоящему хороший доход, однако об этом знали всего два человека – Игорь и бухгалтер Аркадий, которого в Листвяково никто никогда не видел.

Яна не хотела демонстрировать истинных доходов, а потому запретила Аркадию появляться там, где были ее «примкнувшие».

Аркадий, к счастью, не испытывал тяги к глухим поселкам, прекрасно чувствовал себя в краевом центре и с Яной связывался по телефону – номер знал только он.

В Город Радости, как называли поселок «примкнувшие», можно было приехать на экскурсию – продажей туров занималось одно небольшое агентство в краевом центре, часть которого тоже принадлежала Яне.

Экскурсанты валили толпами – вопросы экологии сейчас волновали многих, ситуация все ухудшалась, и откровения Прозревшей, доходчиво объяснявшей, к чему приведет дальнейшее развитие производств, приправленные к тому же щедрой порцией разговоров о всеобщей любви и радости, находили сперва благодарных слушателей, становившихся затем адептами и «примкнувшими» к Согласию. Последние получали благословение на переезд в Город Радости, соглашаясь внести взнос на помощь матери-природе.

Звучало это наивно и даже глуповато, но удивительным образом производило впечатление на будущих «примкнувших».

В Городе Радости они селились в пустующих домах, приводили их в порядок, разрабатывали огороды, учились вести домашнее хозяйство, разводить свиней, кур и уток. Никогда прежде не видевшие коровы бывшие городские жительницы овладевали искусством ручной дойки, делали масло и сливки, которые потом продавали на рынках в соседних поселках – приезжать за продуктами в Листвяково запрещалось, «примкнувшие» жили своим замкнутым кругом, пришлых извне в обычные дни к себе не впускали. Кроме мяса и молочных продуктов Согласие продавало мед с собственной пасеки, экзотическую одежду из собственноручно выращенной, обработанной и превращенной в ткань крапивы, плетеную из тальника мебель.

Все деньги уходили на счета Согласия, «примкнувшим» выдавалась небольшая сумма на личные нужды, но часто и от нее отказывались – магазинов в поселке не было, все, что не производили сами, вносили в список, и раз в месяц Клавдия Васильевна заказывала доставку необходимого в самый ближний к Городу Радости поселок, приезжала туда с Игнатъичем на «Газели» и привозила заказанное в Согласие.

За десять лет существования в Листвяково «примкнувших» соседи привыкли к их укладу и не придавали уже значения странному образу жизни целого поселка. К тому же с появлением Согласия заброшенный, опустевший поселок превратился в довольно бойкое место, а в двух соседних деревнях даже появились небольшие гостиницы, где останавливались приезжавшие в Город Радости экскурсанты.

Это дало жителям рабочие места, появились два автобуса, отвозившие посетителей в Листвяково и обратно, а затем доставлявшие их на вокзал районного центра, транспорт нуждался в обслуживании и в водителях.

Все это оплачивалось из денег Согласия, та же Клавдия Васильевна приезжала в деревни два раза в месяц и рассчитывалась со всеми – от персонала гостиниц до рабочих на станции техобслуживания.

Члены Согласия не навязывали свой образ жизни, не были агрессивными, силой к себе никого не тащили, но и тех, кто хотел приобщиться, не отталкивали, однако за десять лет не было ни одного случая, чтобы кто-то из местных жителей стал «примкнувшим».

Сидеть перед нацеленной на нее камерой было довольно трудно – приходилось все время улыбаться и контролировать каждый жест, каждый поворот головы, но при этом стараться выглядеть естественной, чтобы не дай бог не промелькнула ни одна фальшивая нотка.

Яна овладела этим искусством довольно хорошо, но все равно страшно уставала после записи откровений, чувствовала, как ноет каждая мышца, болит каждый нерв.

Как ни странно, прийти в себя ей помогал обычный молочный коктейль – без добавок, просто молоко с мороженым.

Этот вкус возвращал ее в то время, когда она была ребенком, а вовсе никакой не Прозревшей.

Сейчас, сидя в кресле с большим стаканом, в котором осталась еще половина напитка, Яна закрыла глаза, откинулась на спинку и подумала об Игоре.

Ей нравилось то, как он на нее реагирует, нравилось пугать его, пользоваться моментом и пытаться подавить волю – она умела делать это лет с пятнадцати, открывшийся внезапно дар сперва испугал, а затем пригодился.

Но с Игорем все было как-то иначе. Он вроде бы поддавался, но это состояние быстро проходило, и, выйдя из-под гипноза, он становился агрессивным.

Такого Игоря Яна боялась и не хотела, потому всякий раз подавляла возникавшее желание еще раз проверить, сможет ли, сломает ли. А однажды ей и вовсе пришла в голову мысль о том, что сломанная игрушка перестает ее занимать – так было со всеми, кого она сумела подчинить себе, заставить делать то, чего хотела она.

Какой смысл в конструкторе, из которого ты уже собрала все, что было возможно? Какой интерес вторично собирать одну и ту же мозаику?

Так и с людьми – согнула, подавила, потеряла интерес. А Игорь был ей нужен вовсе не для этого.

Он уехал сегодня рано утром, Яна проводила его до машины и украдкой поцеловала на прощание, вызвав приступ сдавленного смеха и наткнувшись на едкую фразу:

– Ты озираешься так, словно совершаешь что-то, порочащее тебя в глазах твоих мышей.

– Не зови их мышами, – негромко велела она, взяв его за подбородок и глядя в глаза, но Игорь, дернув головой, высвободился и так же тихо произнес:

– Не смей указывать мне, кого и как называть. Это для них ты Прозревшая. А для меня... – Он многозначительно умолк, и Яна вдруг ощутила противный холод внутри.

Этот человек мог уничтожить ее одной только фразой, произнесенной вслух.

Она выпрямилась, обняла его за шею, снова поцеловала, уже не скрываясь, хотя очень опасалась, что вездесущая Клавдия может увидеть это из окна.

Конечно, она не посмеет ни задать вопрос, ни обсудить это с кем-то еще, но к чему давать человеку, зависящему от тебя, в руки козырь?

Они с Игорем делали вид, что отношения у них сугубо деловые, и для всех это так и должно было оставаться.

Взгляд Игоря потеплел, он на секунду сжал ее руки в своих и прошептал:

- Позвоню ночью, как обычно.

- Поезжай осторожнее, хорошо? Дороги тут не очень...

- Ничего, не волнуйся. И про дело не забудь.

- Конечно. Ты только пришли мне то, что должен, - ну, как обычно.

Игорь кивнул, сел за руль и выехал из ворот.

Яна, чтобы не показать никому эмоций, разрывавших ее изнутри, прикусила губу и быстро ушла в спальню, заперлась там и всласть поплакала, уткнувшись в подушку.

- Устали, Прозревшая? - Клавдия неслышно вошла в кабинет, неся на подносе высокий стакан, наполненный молочным коктейлем.

- Нет, Клавдия Васильевна. - Яна мгновенно натянула на лицо приятную улыбку и благостное выражение. - Все в порядке. Оператор уехал?

- Да, я всех проводила, работа оплачена.

- Благодарю вас. Если больше нет никаких дел, вы можете отдыхать.

- Еще только половина четвертого, - удивилась женщина.

- Ничего. Вы так много стараетесь на благо Согласия, что вполне можете позволить себе и небольшой отдых.

Клавдия, так и сохранив на лице удивленное выражение, согласно кивнула и пошла к дверям.

Яна же считала секунды, которые отделяли ее от желанного покоя и полного одиночества.

Одиночество... Это было то самое ощущение, которого Яна была лишена много лет, не имея возможности побыть наедине с мыслями, просто посидеть или полежать в полной тишине, не разрываемой никакими звуками.

Сейчас она наслаждалась каждой минутой, когда могла быть одна, – потому что только тогда ей не приходилось быть никем, просто телом, неподвижно лежащим на постели в темной прохладной комнате огромного дома. И – никаких людей рядом.

Именно об этом Яна мечтала в своей прошлой жизни.

Уйгууна

Зотов не находил себе места, метался по просторному кабинету в управлении комбината и то и дело выдергивал из пачки очередную сигарету.

На экране монитора светилось открытое письмо с новым официальным запросом от «АлмазЗолотоИнка».

Он был уверен, что Анна тоже видела это письмо, но почему-то до сих пор никак не отреагировала, не созвала совещание.

– Возитя с этой ненормальной, – цедил Валерий сквозь зубы, имея в виду Дарину. – Отослала бы к чертям собачьим на материк! Все равно эта дура сделает все, чтобы разрушить свою жизнь, так пусть делает это подальше отсюда, а Анькину жизнь портить я ей не позволю, пусть даже не рассчитывает!

Он прекрасно понимал, что от него мало что зависит в этом вопросе – он не сможет заставить Анну отослать сестру, и это злило еще сильнее.

Взбалмошная девица стала мешать ему, сильно мешать, путать карты, заставляя менять планы, а этого Валерий не любил.

Зазвонил внутренний телефон – это оказалась Анна:

– Зайди ко мне.

«Ага, значит, решила все-таки обсудить предложение, – подумал Валерий, быстро надевая пиджак и поправляя галстук. – Ну, что ж, посмотрим, как пойдет».

Анна стояла спиной к двери, прямо у огромного окна, и смотрела куда-то вниз.

Валерий прекрасно знал, что она боится высоты, старается не подходить к офисным окнам, скорее, напоминающим стеклянные стены, а если подошла – значит, дело серьезное, она пытается преодолеть что-то внутри, с чем-то справиться, сконцентрироваться.

Это было Зотову непонятно – как можно одновременно бороться со сковывающим все тело ужасом и решать какую-то проблему?

Такая концентрация редко встречалась даже у мужчин, что уж говорить о хрупкой женщине? Но Анна только с виду была воздушная и немного отрешенная, на самом же деле внутри у нее имелся такой стержень, что спокойно выдержал бы любые нагрузки.

В день, когда случилась авария с вагонеткой, придавившей Владлена, Зотов оказался единственным, кто мог бы сообщить эту новость его жене.

Валерий до сих пор помнил, как ехал в поселок и всю дорогу мучительно подбирал слова для тяжелого разговора. Он ожидал чего угодно – слез, истерик, обморока, словом, всего, на что обычно способны женщины в подобных ситуациях.

Анна же удивила его.

Выслушав сбивчивый рассказ Валерия – подобранные слова все-таки улетучились, оставив взамен какое-то глупое бляение вперемежку с соболезнованиями, – она повернулась и ушла на второй этаж, а минут через десять вернулась одетая к выходу:

– Поехали.

– Куда? – оторопел Валерий.

– В больницу. Его ведь туда отвезли?

Зотов кивнул, но попытался убедить Анну остаться дома – Владлен в операционной, неизвестно, когда и, главное, чем закончится операция, но она смерила его с головы до ног таким взглядом, что у Валерия по спине пробежал холодок, и ему ничего не осталось, как отвезти ее в Уйгууну.

Анна просидела на табуретке возле входа в оперблок почти семь часов, не соглашаясь ни на какие уговоры и предложения поехать домой или хотя бы перебраться в кабинет главного врача.

Валерий находился рядом, приносил кофе, от которого Анна тоже отказывалась, отвечал на многочисленные телефонные звонки – новость об аварии разнеслась мгновенно, решал вопросы с подъехавшими к больнице журналистами и съемочной группой местного телеканала.

Анна же сидела с прямой спиной и совершенно сухими глазами, только время от времени губы ее шевелились, словно женщина читала молитву, но Валерий знал – в бога она не верит и вряд ли молится сейчас.

Она и прогноз врачей, вышедших из операционной, выслушала с тем же каменным лицом и прямой спиной, и Зотов на секунду даже испугался – не тронулась ли жена друга умом от горя, но она рассуждала совершенно здраво и спокойно.

Точно так же спокойно она нашла телефон какой-то приятельницы в Москве, а через нее – координаты хорошего нейрохирурга, оплатила ему билет на первый же рейс и перевела гонорар за услуги, а Валерию велела отправить кого-нибудь в аэропорт.

– Вы сомневаетесь в моей компетенции? – спросил местный врач, а Анна, отрицательно покачав головой, сказала:

– Ни в коем случае. Я уверена, что вы все сделали правильно, но хочу услышать еще одно мнение.

Врач пожал плечами и согласился, а Валерий, не сводя с Анны взгляда, вдруг подумал, что совершенно ничего не знает о жене друга, в чей дом вхож, как в свой собственный.

Анна всегда казалась ему просто красивой женщиной. Способной только создавать домашний уют и рисовать странные картины, которые Владлен потом вывешивал в специально для этого отстроенной небольшой галерее в правом крыле дома.

Оказывается, он слишком поверхностно судил о ней...

– Входи, Валера. – Это прозвучало неожиданно и так по-домашнему, что Зотов вздрогнул, закрывая за собой дверь – Анна никогда не звала его так где-то вне стен его квартиры. – Видел уже?

– Письмо? Да, видел.

– Что думаешь?

Валерий пожал плечами и сел, придвинув к столу стоявший поодаль серый офисный стул.

Анна все не поворачивалась, так и смотрела вниз, но по ее напряженным плечам и прямой, как доска, спине Зотов видел, что она пытается принять какое-то важное решение.

– Аня... – начал он, но она покачала головой:

– Погоди... – И снова повисла тишина.

Зотов закурил, притянув пепельницу поближе, бросил взгляд на часы – время близилось к обеду.

– Я не могу сейчас собрать совет, Анжела в отъезде, – вдруг произнесла Анна, и Валерий от неожиданности вздрогнул, уронил столбик пепла на столешницу.

– А ты думаешь, это необходимо? В конце концов, у тебя право решающего голоса, а примерную точку зрения остальных ты слышала в прошлый раз – так реши сама.

Анна развернулась, скрестила руки на груди и посмотрела на Валерия в упор:

– То есть взять всю ответственность на себя?

– За ту сумму, что они предлагают, можно рискнуть.

– Нет.

– Ну, скажи «нет», если считаешь, что так правильно, – пожал плечами Зотов. – Все равно все зависит только от тебя. Анжелка будет на твоей стороне, вас уже двое против Артема.

– А ты? – не сводя с него пронизывающего взгляда, спросила Анна тихим голосом, от которого у Валерия по спине снова пробежал неприятный холодок.

– А что – я?

– На чьей стороне будешь ты?

– С ума сошла? Конечно, на твоей, как ты вообще можешь сомневаться? – оскорбился Валерий и поджал губы.

– У меня вот уже какое-то время ощущение, будто за моей спиной происходит нечто, чего я не вижу и не знаю, но от чего зависит все.

– И ты решила, что я – источник этого?

– Я же так не сказала, Валера. – И он снова отметил это домашнее имя в рабочем кабинете.

На душе у Зотова стало тепло – похоже, Анна все-таки не підозревала його в
якомусь сговоре, він для неї був своїм, а не джерелом небезпеки.

Кінець ознайомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/kramer_marina/sindrom-beskonechnoy-radosti

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)